

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ

ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ утрѣ, вѣчѣ и въ странѣ

Марія Ивановна Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (56)

Февраль. 2005 год.



Гравюра Геннадия Гармидера

2005: ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОДЕССЫ

19 января	140 лет со дня рождения Валентина Серова	27 июня	100 лет с начала восстания на броненосце «Потемкин»
10 февраля	115 лет со дня рождения Бориса Пастернака	29 июня	100 лет со дня рождения В.А. Фемелиди
25 февраля	100 лет со дня рождения П.П. Вирского	10 июля	115 лет со дня рождения В.М. Инбер
27 февраля	130 лет со дня рождения В.П. Филатова	18 октября	125 лет со дня рождения В. (Зеева) Жаботинского
11 марта	150 лет со дня рождения И.В. Прибика	22 октября	135 лет со дня рождения И.А. Бунина
20 марта	90 лет со дня рождения С.Т. Рихтера	3 ноября	110 лет со дня рождения Э.Г. Багрицкого
10 апреля	в 1944 году Одесса освобождена от оккупантов	20 декабря	150 лет со дня рождения А.А. Ждахи
9 мая	60 лет со Дня Победы		
15 мая	160 лет со дня рождения И.И. Мечникова		
29 мая	100 лет со дня рождения О.Н. Благовидовой		

О де РИБАСАХ И ДЕРИБАСАХ

Как я вам говорил по телефону, мой прапрапрапрадед — Иосиф де Рибас [Иосиф де Рибас => София Иосифовна де Рибас, в браке княгиня Долгорукая => князь Михаил Михайлович Долгорукий => князь Анатолий Михайлович Долгоруков => (от второго брака) княжна Ольга Анатольевна Долгорукова, в первом браке Словинская => Борис Владимирович Словинский] => Андрей Борисович Словинский]. Я почти 10 лет занимался в архивах России, Украины, Польши, Франции и Испании исследованием истории рода князей Долгоруких и связанных с ними семей, в том числе рода де Рибас. Впоследствии бурдут книги. Внедери поэтика в архив в Неаполе, чтобы выяснить все тайны и сказки, связанные с основателем Одессы. Конечно, это финансово затратно, которые мне как эмигранту из Польши никогда не вернуть.

В книге Сергея Сергеевича Ширяца "Прогностики на Небесном проспекте" в этом году будет издана и моя "Генеалогия потомков князя Михаила Михайловича Долгорукова". Они тоже, причем единственные законные потомки дна Мосена ("Joseph" — так правильно писали в XVIII веке имя основателя Одессы по-калалански (теперь пишется "Josef") [родной язык его отца], а по-иранландски [родной язык его матери] надо читать "Жосеп". В XVIII веке в Неаполе при дворе Неаполитанского королевства не говорили по-иранландски, в XVIII-XIX вв. в центре веного Неаполя был отдельный испанский район, поэтому дна Мосен не носил ни итальянского имени "Giuseppe/Джузеппе", ни кастильского/испанского "Jose/Хосе", а

калаланское или иранландское) де Рибаса, ныне живущие в Швейцарии (Св. Кн. Георг Александрович Юрьевский — тоже правнук Имп. Александра II; графы Лорис-Меликовы), в Термании (семья Клотильды фон Рингелен, ур. графини фон Меренберг — также праправнучка А.С. Пушкина и Имп. Александра II), в Италии, Южноафриканской республике и Польше.

В вашем издательстве и на интернет-сайтах Одесского историко-краеведческого музея, Музея западного и восточного искусства в Одессе и многих других, в том числе на памятной де-Рибаса в Одессе (и на открытках) неправильно ("Дерибас") пишется фамилия основателя Одессы. Единственная правильная форма — это "де Рибас" или как раньше "де-Рибас", что значит по-русски из Рибаса (города, местечка), по-немецки "фон/фон", по-иранландски "di/di". Но традиционно пишется "ица Дерибасовская".

Короткая форма фамилии "Рибас". Согласно международным нормам в библиотечках в таком случае указывают фамилию как начинающуюся на букву "Р" [Рибас, Александр Михайлович де], а не на "Д". Это тем более важно, что есть фамилия "де Рибас" (основателя Одессы, его братьев или их законных мужских потомков, происхождения калаланского или вообщее испанского) и есть фамилия "Дерибас" (это Даниил, сын Веры Симеоновны Яненко, усыновленный бездетным Александром Станиславом Михайловичем де Рибасом, и его потомков, Всеволода Даниловича и Олега Всеволодовича Дерибас, ныне живущего в Одессе председателя "Дана де Рибас"; также и крепостные братьев де Рибас, которые не имели фамилии и звались "Дерибас").

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в С.-Петербурге, в фонде 1405, описи 105 находится дело 15710 I Департамента Министерства Юстиции, Гражданского отделения по 3 делопроизв. "Об усыновлении детей Михайловых, Пржецков и де-Рибас". Начато 14 апреля 1904, на 10 листах (это дело

смотрел Олег Дерибас и сделал с него копии, что подтвердил своей подписью). У меня есть выписка из этого дела.

Лист 8: Краткая записка из дела по прошению пономественного дворянина Александра-Станислава Михайлова де-Рибаса, полученного 17 января 1904 года, о возведении усыновленного ему Даниила в личное почетное гражданство, о представлении ему фамилии "Дерибас", отчества "Александрович" и о выдаче усыновленному свидетельств на вышеозначенное звание.

1904 года апреля 18 дня вышла резолюция Правительствующего Сената следующего содержания: "Рассмотрев настоящее дело, Правительствующий Сенат находит, что внебрачный сын дочери пономественного гражданина, Веры Симеоновны Яненко, малолетний Даниил, будучи усыновленным пономественным дворянином Александром-Станиславом де-Рибас, приобрел чрез сие усыновление, по силе ст. 153 т. X ч. 1 изд. 1900 года, право на личное почетное гражданство. По сему и принимая во внимание (а. 8 об.), что отнюдь не присвоения усыновленным тем или иным отчеств в законе не содержится никаких ограничений, что вышепомянутый, как пользующийся меньшинством, сравнительно с усыновителем, правами состояния, может принять от своего усыновителя носимую им фамилию, но с начертанием ее в одно слово "Дерибас", что от присвоения Даниилу указанной фамилии нарушение интересов дворянского рода де-Рибас не последует за не сообщением усыновленному, как личному почетному гражданину, сопряженных с дворянскою фамилиею преимуществ, — Правительствующий Сенат определяет: усыновленного определить Киевского Округного Суда от 6 февраля 1903 года пономественному дворянину Александру-Станиславу Михайлову де-Рибас сына дочери пономественного почетного гражданина Веры Яненко малолетнего Даниила возвести в личное почетное гражданство (а. 9), на представлении же ему фамилию "Дерибас", отчества "Александрович" испросить Высочайше Его Императорского Вели-

чества соизволение и, по воследовании оного, выдать Даниилу Александровичу Дерибасу свидетельств на означенное звание.

Обер Секретарь /.../ Памощник Обер Секретаря /.../

Иосиф Николаевич Сабир, внук Иосифа Иосифовича Сабир, внебрачного сына дна Иосифа де Рибаса, подал в 1977 году прошение на Высочайше имя о разрешении принять его мужским потомкам фамилию "Сабир-де-Рибас". От Императора Николая II последовал отказ (сообщение его сына Константина Иосифовича Сабир-де-Рибаса, проживающего ныне в С.-Петербурге). Помимо того, в советской России начали не только мужские, но и женские потомки незаконно зваться "Сабир-де-Рибас". Ранее обнаружено мною указанное выше дело "о усыновлении Даниила". Константин Иосифович Сабир-де-Рибас сказал мне, что его дедуска Иосиф Николаевич Сабир-де-Рибас в Одессу и встретил там только двух бездетных старичков де Рибас, которые сказали, что они последние в роде.

Я только один раз был в Одессе, в начале перестройки, и город в сравнении с другими советскими мне понравился. Уже давно собираюсь приехать второй раз.

Третья жена моего прадеда, князя Анатолия Михайловича Долгорукова, была Стефания Семеновна Бройде (или Бройдо), в первом браке Кудио. Она была еврейского происхождения (наверное, крещеная или перекрещенная в православной церкви), рожденная в Одессе в 1878 году, была очень богатой. Цела в Сибири золотые рудники. Надо мне уточнить ее дату рождения в Одесском архиве. Известно ли вам или историкам города, что-нибудь о ее родственниках? Кем были, купцами, банкирами или просто бедной еврейской семей в Одессе?

Андрей СЛОВИЦКИЙ.

ПАМЯТИ ПАМАРЫ БЕЛОРУСЦ

21 января — день смерти первого и бессменного на протяжении восьми лет редактора "Одесского Листка" Памары Белорусец.

Небольшая по объему, но емкая по информации газета разлеталась по читателям континентам Земли.

С выходом из жизни Памары читатели ощутили эту потерю. Особенно люди, знавшие ее многие годы до эмиграции. В их числе был и я. Мы вместе проработали около тридцати лет в одесском институте Тинтрофам. Благодаря своим способностям она защитила диссертацию и стала кандидатом экономических наук. Эмиграция застала ее в Америке, а через какое-то время мы встретились вдали от родной Одессы — в Сан-Франциско.

Здесь мы жили в большой кампаниции земляков, здесь встретили многих своих товарищей, а также размышляли и наладили связи не только с эмигрантами в Америке, но и в другие страны Европы, Азии, Австралии...

Здесь, за океаном, мы начали новую жизнь, но милая Одесса всегда оставалась в нашей памяти и перед глазами. И не удивительно, что в преддверии 200-летия Одессы многие из нас задумывались, как отметить этот славный юбилей.

Загорелась мысль о создании Одесского землячества в городе, где обособилось много одесситов. Вскоре цинцу Тири — главному цинцу одного из городских районов Ричмонда, — на которой преобладает русская речь, одесситы стали называть "Тирибасовской".

Хорошо помню первые собрания землячества, на одном из которых энергичный и очень инициативный одессит Михаил Морозов подал идею выпустить к юбилею города "Одесский Листок", с таким названием, как у газеты, выходившей в нашем городе с 1872 года, более ста двадцати лет назад.

Выпуск газеты предполагался разовый — только к юбилею города. Редактирование ее было поручено Памаре

Белорусец, и ко второму сентября 1994 года одесситы Сан-Франциско увидели первый номер возрожденного "Одесского Листка". Однако оказалось, что ограничиться выпуском только юбилейного номера стало невозможно. Одобренные отклики о появившейся интересной русскоязычной газете, да к тому же еще одесской, телефонные звонки и письма совершенно неожиданно показали необходимость продолжения этого издания.

Умелые руки, большая эрудиция и опыт работы в редакции городской газеты "Взгляд", высокая культура нового редактора сделали газету востребованной не только одесситами, ее с удовольствием читали эмигранты и из других городов бывшего Союза.

Благодаря неустанной и самоотверженной работе Памары, ее энергии, а также постоянной моральной и материальной поддержке одессита доктора В.И. Квиташа газета смогла продолжить свою жизнь, а ее редактор быстро завоевала всеобщее уважение.

Нас с Памарой объединяла не только работа в одном институте, но и любовь к родному городу. Памара всегда проявляла интерес к моим публикациям. Она проводила мою встречу с читателями на презентациях книги "И дождь, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь". Узнав, что я работаю над книгой о своих встречах, знакомствах, переписке с известными писателями, артистами, художниками, поларниками, космонавтами, она выразила желание обязательно написать к ней предисловие. Ее желание и готовность были для меня очень приятны и лестны. Но, к великому огорчению, моей надежде не суждено было сбыться.

В ее жизни большую роль играла присущая ей коммуникабельность. Ее интеллектуальное развитие, широкий кругозор и доброта привлекали окружающих людей независимо от возраста. Она цела дружить и дружить не только со сверстниками, а и с людьми намного моложе и старше ее. Она была для многих хорошим товарищем или другом, готовая всегда прийти на помощь. И газета,

которую она делала, думала добротой и любовью к людям и к нашей родной и незабываемой Одессе. Ее всегда интересовал и тревожил вопрос: "Как жить тебе, моя Одесса?" — и это находило отклик в каждом номере газеты. Она была внимательна к читателям и не оставляла ни одного вопроса без ответа.

Об этом с благодарностью свидетельствовали многочисленные телефонные звонки и постоянно приходящие в редакцию письма.

По своей задумке "Одесский Листок" должен был служить объединению одесситов. Призывный клич: "Одесситы всех стран, соединяйтесь!" был в действии, и газета успешно сыграла свою роль в объединении земляков, волею судьбы оказавшихся во многих странах обоих полушарий планеты. Заслуга в этом ее редактора Памары Белорусец!

Тяжелый недуг преследовал Памару многие годы. Но всякий раз она героически боролась с ним и возвращалась из госпиталя домой, продолжала работать и регулярно выпускать газету из месяца в месяц, без срывов.

Она мечтала выпустить сотый номер газеты, но в январе 2003 года ей снова пришлось лечь в госпиталь.

Легкоодически я звонил ей, и когда она могла, мы совсем недолго, буквально несколько минут, разговаривали. Как-то, превозмогая боль, она сказала мне: "Не думай, что я бездельничала здесь. Очередной номер уже подготовлен". И действительно, находясь в тяжелейшем состоянии, она смогла полностью подготовить февральский номер газеты.

В другой раз она сказала: "Павлик, — так она обычно называла меня, — домой я уже не вернусь". Это были ее последние слова, услышанные мной.

Удивительно себя она очень плохо, надежд на улучшение не было, но не хотелось с этим мириться, и как-то подступило темная надежда на свершение чуда — что она, как бывало уже много раз, вернется домой.

Через несколько дней — 21 января — Памара цела

из жизни. Текст первой странички подготовленной ею газеты № 99 был заменен некрологом с ее портретом.

Ко дню 70-летия Памары Михаил Морозов и Аркадий Левитин организовали большой концерт. Он проходил в переполненном зале старого здания Jewish Community Center.

Цветы, горячие поздравления и добрые пожелания — все было в тот вечер адресовано юбиляру. А потом был прекрасный концерт, в котором исполнялись и ее песни, положенные на музыку необыкновенно одаренным Мишей Морозовым.

А 22 февраля 2004 года все же же друзья Памары, Михаил и Аркадий, устроили грандиозный вечер ее памяти. Колоссальный современный зрительный зал в новом здании не смог вместить всех присутствующих.

Уже в вестибюле здания началась "встреча" с Памарой. Со стеной смотрела она на нас с многочисленных фотографий. А на столах были резюментами ее неутраченного тиража — "Одесские Листки", начиная с самого первого номера.

Многие знакомые, коллеги, друзья выступили с воспоминаниями о ней, а с грандиозного экрана, с кадров кинохроники и фотографий смотрела на нас, зрителей, живая, цыдающаяся Памара.

Этот вечер навсегда останется в нашей памяти, как и добрая, всегда дарящая людям радость Памара. Памара одарила нас двумя сборниками прекрасных лирических стихов, которые есть у всех уважающих и любящих автора. А третий, последний сборник выпущен ее близкими подругами.

Ее память и любовь тысячи читателей, товарищей, знакомых и друзей в родной Одессе и Сан-Франциско, в Белгороде-Днестровском и Киеве, в городах Америки и Австралии, Канады и Термании, Израэля, Чехии и всюду, куда рассылался ее "Одесский Листок".

Павел ЦАУДЕР. Сан-Франциско.

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД ПАЛЛИН ПАЛИНН

Не знаю, что это будет — рассказ или очерк. Вообще, вся история мне видится как анекдот.

Я работал целый год, мечтал, что скоро попаду в Палинн. Закавал билеты, наменял паспорт и блаженно ожидал этой минуты. Вдруг зазвонил телефон, и женский голос мне сказал, что "дожданный билет в Палинн вы теряете, если не сделаете визу в Эстония". Началась беготня, телефоны, вальсы, чтобы получить эту злополучную визу через Варшаву, с кем-то из знакомых — через месяц. Я получаю ее с опозданием. Лечу в Палинн. Там меня ждут родные мне люди, друзья. Наконец-то!

Завтрак, обед в самолете, пого мной мелькают страны. Мечта!

Прилетаю в Варшаву, аэропорт, ждем несколько часов транзитный самолет в Палинн. Хожу по дупитири-шопам, мелькают люди, вещи, гайты, я ощущаю от обилия увиденного; присел за столик кафе. Сажу. Прихожу в себя, вдруг слышу: "Excusez-moi?". Вспоминаю свою жизнь в Париже, когда жил в Cote de Sar. Перео мной человек в дачке, приглашаю присесть, "тебе?". Обмениваемся любезностями. "Откуда вы?" — "Я из Тель-Авива в Палинн, а вы?" — "Я из Парижа в Киев". — "Что вам делать в Киеве? Там рэкет, мафия", — вспоминаю Чернобыль. Говорю: "Я доктор, еду на конференцию, а вы?" — "Я художник, жил в Париже, писал Мондриа, клоунов в Париже, в метро Сан-Пале, на мосту Сены, Лотт Риппль, Лотт Нер". Наши пути расходятся. Он говорит мне "шала", я ему — "ан гевои". Он сказал, что француз, но я понял, что он еврей. Я цетел в Палинн, он — в Киев, чтобы рашицию. Летим, мелькают страны, города, паля, нарезанные квадратиками, стада облаков, как овечки, разбросаны в голубом. Время прохориди быстро. Палинн встречает жарой. Еден в Vana Viti. Деревянный дощик возникает из лесной чащи, как ирчушка из сказки. Любимые мне люди, друзья. Встречают винам, мясо жарится в гриле. Кто-то принес битоки из рыбы.

Припомнились мне запахи моря — а на 16-й станции Большого Фонтана, море, Одесса. Мама готовит на примусе из маленькой рыбки под названием "халса" рыбные биточки. Этот запах останется в моей памяти на всю жизнь. И вдруг Vana Viti и рыбные биточки! Имя неосторожность похвалить хозяйку за кулинарное искусство. Отпуск прохориди отлично; море, лес, я в дачке, похожей на деревянную шхуну. Сосед мой — эстонец, каждое утро кричит мне приветствие "tere" — здравствуй. Месяц прохориди как один день.

Выставка моих картин в старом городе в галерее Долоес Торман "Далино"... Прихожу огромное количество людей, не знакомых мне, с цветами. Плак принимают в этом городе. Принимает и кулинарная искусница и приносит пакет, листув мне заговорицы: "Это они...". На следующий день возвращаюсь в Тель-Авив рейсом через Варшаву. Толод мне не фризит, со мной биточки, но радость моя преждевременна. Обед в самолете, приносять специальный заказ. Приносятся сенцу и салат из тунца. Ну, думаю, биточки не пойдут, свем их, когда буду жрать рейса на Тель-Авив в Варшава...

Сажу, наслаждаюсь видом из окна самолета. Бараник облаков приветствуют меня. Ситуаю, как прохориди тушеное по пищеводу. Где там идилия Большого Фонтана, гудят моторы, летим. Замечаю что-то странное, соседи по самолету озираются на меня и принохиваются, начинаю и я принохиваться... Неужели мои биточки дают о себе знать? Запах становится все сильнее, вот он идет по нарастающей и становится невыносим, соседка, сидящая сзади, не выдерживает и бежит к стюардессам, жалующая на запах. Прихожу симпатичная полка-стюардесса и принохивается ко мне. Ну, думаю, начинается. Биточки начинают свое злое дело. Проклинаю тот день и час, когда так неосторожно похвалил их изготавительницу. Не знаю почему, меня начинает раздражать дикий смех. Но смеяться нельзя — поймать, чья котка мясо свела. Но я вспоминаю лицо парашей, и смех меня душит с новой силой. Глядя на меня, начинает смеяться англичанин, сидящий сбоку, почему-то размахивая руками и указывая на кухню. Начинаю понимать, что это чересчур сильный запах для нескольких биточков, он не мог заполнить весь самолет. Постепенно включили сильную вентиляцию, и запах стал исчезать. Через полчаса он исчез совсем, и про меня дошло, что биточки спасены, и я их спокойно могу свест, ожидая самолет в Тель-Авив, что я и сделал.

Таня ДОРИН. Израиль.

МОРСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Я не знаю, как назвать то состояние, которое испытывают моряки, предаваясь воспоминаниям о том месте, которое, с одной стороны, ограничено в пространстве судном, и безгранично в мировом океане. Корабль рождается, живет отпущенный ему промежуток времени и умирает. Как ни прискорбно, но с кораблями уходят люди. "Ничто не вечно под луной". О моряках написано очень много книг, статей. В основном их герои капитаны, штурмана, боцманы и матросы. Я же коснусь только той темы, которая мне больше всего знакома и менее затронута литераторами и газетчиками. Это тема морских коков. Причины подобной непопулярности лежали в основе этой профессии. Ни один зав. производством не любил рекламировать себя, так как был не только шефом, но и коммерсантом, а как вы знаете, подобной категории при советах де-юре не существовало. Среди людей, работающих в этой службе, я единственный, который владеет пером профессионально, во всяком случае, во всем теперь уже бывшем Черноморском пароходстве, поэтому и взял на себя такую миссию — приоткрыть эту небольшую "тайну Бургундского двора". Так как эта тема не представляет сегодня интереса для компетентных органов, я надеюсь, что она вызовет здоровый интерес у моего читателя.

Почти ни одно литературное произведение, фильм, не обходится без застольных сцен и сюжетов. Стол, я имею в виду как ритуал, располагает к общению, это место, где рождается свободный диалог. Посещая кафе, ресторан или располагаясь на лужайке, мы даже не подозреваем, какое большое место в нашей жизни занимает это святое место человеческого общения. Но если понимать в классическом торжественном или деловом варианте, то здесь никак не обойтись без специалиста. Морские коки — это была особая категория профессионалов, с большим многолетним опытом, знанием мировой кухни и сервиса. Сегодня много телевизионных передач, рассказывающих об этом вожделенном предмете, как правило, их ведут актеры или журналисты. У настоящего специалиста они вызывают иронию. Возможно, они грамотно обставлены со сто-

роны литературного или кинотворчества, но совершенно безграмотны с точки зрения производства кухни. Обратите внимание на руки настоящего кока, они мягкие, пластичные, без мозолей и ран. Это в кино нам показывают шефа с накрахмаленной салфеткой и серебряной ложкой, которой он снимает пробу. На самом деле свою продукцию шеф пробует сначала руками. Он виртуозно владеет кухонным ножом, как скрипач смычком, не глядя на него и не отрывая кончик ножа от разделочной доски. Хорошие кухонные ножи — это продолжение рук мастера, они подбираются порой десятки лет, во многих портах мира. Подобная сноровка достигается десятилетиями упорного труда. Поэтому не случайно многих наших знаменитых шефов, таких как Раздобудько, Козлов, Воробьев, Аганов, Чебанюк, помнят — и ценили во многих странах. Николай Аганов — "последний могиканин", который остается и сегодня в действующем плавсоставе. Капитаны, как правило, переходили с парохода на пароход, забирая своего шефа. Потому что для пассажирского флота супершеф — половина успеха.

Я сделал такое пространное вступление не случайно, так как намерен написать серию морских рассказов, и думаю, не ошибусь, если начну с самого знаменитого на всем Черноморском флоте маэстро — кока Раздобудько Дмитрия Сергеевича. Убежден, что такой морской судьбе мог бы позавидовать любой просланный морями капитан. Службу на флоте начал мальчишкой до первой мировой войны, в РАПИТЕ, и плавал, как говорят моряки, ходил, до восьмидесятых годов прошлого столетия, почти семьдесят лет отдано гражданскому морскому флоту. Известный шеф-повар был настоящим моряком, человеком обаятельным и мудрым, о нем мой первый рассказ. К большому сожалению, время стерло в моей памяти даже настоящие имена некоторых моих героев. Но это не историческая публикация, а рассказ, в котором я как автор, выбирая жанр, постараюсь добавить красок, как повар добавляет специи, не разрушая подлинных событий давно ушедших дней.

Евгений НИКОЛАЕНКО.

«Король камбуза»

Рейс подходил к своему завершению, тяжелый, клепанный из листов стали красавец "Адмирал Нахимов" входил в одесский порт. Небольшого роста седой капитан с ключими глазками находился на мостике. Время от времени он давал точные указания швартовой команде.

— Подтяните прижимной кормовой, не учитываете ветер в борт.

Завезавшемуся штурману сделал лаконичное замечание:

— Голубчик, вы не на пляже, приведите себя в порядок и поворачивайтесь побыстрее.

Еще несколько сложенных движений команды и буксира поставили точку в швартовке, и теплоход, как мустанг, поиграв мышцами машины и палубной команды, замер.

— Стоп машины. Благодарю за работу, все свободны.

По трапу уже выходили люди, из открытых иллюминаторов доносилась громкая речь. Пассажиры, пошатываясь, ставили ноги на твердый грунт причала, еще долго оставаясь во власти моря. Выходивший штурман проверил мои документы, объяснил, как пройти в каюту шефа.

Я спускался по трапу все ниже в чрево вместительного многопалубного теплохода, пока не достиг длинного коридора, прозванного моряками "Колбасный переулочек". Здесь находились каюты команды. Прежде чем прийти к мастеру, хотелось пообщаться со службой ресторана, узнать его расположение и последние новости. Каюту шефа находилась недалеко от ресторана первого класса. По всей вероятности, никаких секретных переговоров не было, дверь была открыта настежь, из нее доносилась непринужденная беседа, которая бывает у моряков в такие непродолжительные минуты в родном порту. Новых пассажиров на борту еще не было. Судно для загрузки должны были поставить на другой причал. У стола сидел пожилой розовощекий крепкий мужчина. Он опустил между коленками большие по локоть обнаженные руки. Они были похожи на руки хирурга: плотные, без единой ссадины или пореза, но мягкие, эластичные, позволяющие почувствовать нутром то, к чему прикасались. Старик был похож на древнего Моисея. Несмотря на

свой почтенный возраст он сохранил мужскую привлекательность и красоту. Косая сажень в плечах, большой открытый лоб, светлые добрые глаза. Я почему-то подумал: вот тебе готовый актер для кинофильма. Он внимательно осмотрел пришельца и предложил мне присесть, продолжая свой рассказ.

— Что сегодня за плавание, сказка и только! Я на флот пришел давно, мальчишкой, еще до войны.

— Это с немцами, что ли? — перебил рассказ старший повар, белокрысы Вася Гурский.

Старик внимательно, с укором посмотрел на него.

— Да, с немцами, но не с которыми воевал твой отец. Это было до первой мировой. Пришел, значит, я на первый свой пароход "Князь Потемкин", представили меня офицеру, занимающемуся питанием, тот осмотрел меня с ног до головы и перепоручил на воспитание старшему повару Козлову Александру Ивановичу. Должность моя называлась — каструльный. Это сегодня вы избалованы электричеством, плитки, мармиточки как в аптеке, да моющие средства. А тогда дровишки, уголек, открытый огонь и закопченные медные кастрюли, которые приходилось надраивать песочком, да заодно по-первах и свои ручки в кровь издирать. Да, жили мы не в каютах, а в кубриках человек по двадцать в каждом. Как надышат, бывало, горохом да спиртным, утром такое впечатление, что в газовой камере побывал, и притом тебя обрабатывали. Если, что-то не так, можно и по физиономии схлопотать.

Тут снова в разговор вмешался Гурский:

— Дмитрий Сергеевич, и часто вам доставалось в дыню?

— Эх, неисправимый ты, Вася, это у тебя дыня да нос картошкой, а я свой фейс и честь берег смолodu, да и Козлов не из таких был, чтобы кулаком в харю тыкать. Почему был? — поправил себя Раздобудько. — Старик еще живой, будет сегодня в гостях.

Он обратился к заведующему складом Борису Котикову:

— Сынок, вот видишь, чуть не забыл, ты ему гостинцев приготовь да пару бутылочек хорошей водочки, из моих запасов. Папа у нас заслужил.

Боря, шустрый, небольшого роста парень, всегда изысканно одетый, не заставлял шефа повторять дважды, мигом спустился на склад приготовить муган. Необходимо отметить, что старик и действительно отнесился к нему по-особенному и даже посвящал в амурные дела. А люди в почтенном возрасте относятся очень трогательно к виновникам таких милых сердцу проказ и прячут эти чувства от любопытных глаз.

— И сколько же годков вашему папе, дедушка?

— За девянсто перевалило, среди нас он самый старый, поэтому и называем его папой, в знак уважения.

За бортом послышался сильный свисток, двухтрубного буксира "Березань", еще работающего на угольнике. Моряки, видя это архаическое сооружение, посмеивались:

— Две трубы — одна зарплата.

Буксир, пыхтя своими котлами, выбрасывая клубы черного дыма, который покрывал таким же цветом вечно грязных, но работающих кочегаров и отъявленных пьяниц на берегу. Дым при безветрии расстилался по всему брекватеру, как дымовая завеса, заставляя все суда невольно задрать иллюминаторы. На это Вася срочно соорудил пошлый, но совершенно точный бейт.

*Подымая вонь и срань,
Появилась "Березань".*

— Вася, пошлая неисправимый, ты поварам всем соорудил паек?

— Обижаешь, Дмитрий Сергеевич, даже себя не забыл.

— А вот Марине, которая лежит в больнице, да двух детей малолетних дома имеет, конечно, забыл.

Вася конфузливо почесал затылок.

— Прости дедушка, промашка вышла.

Кок покачал головой и обратился к Борису:

— Сынок, ты пощеднее, сгоняй еще на склад, да не забудь несколько бутылочек вина ей, и пару рублей пусть передадут.

Борис снова исчез, гремя связкой ключей. А шеф продолжил свой рассказ.

— Как-то в Бейруте, учитывая особую проворность Борьки, сына, значит, моего, и знание им всех торговых точек мира для рашен моря-

ков, я напросился проводить меня в эти знаменитые места, чтобы купить гостинцы детям и внукам. В общем, ударить моряцким рублем по торговой точке. Признаться, я хоть больше всех вас вместе взятых плаваю, а к коммерции не приучен. До революции это среди почитаемых моряков дурно пахло. Пропить — это дело другое, хотя и этим себя не избаловал. Так вот, привел меня Борька в магазин "Одесса". Хозяин Мустафа, скорее всего, татарин, порусски хорошо лопочет, говорит:

— Поднимитесь на второй этаж, уважаемый.

Я подумал, это в знак уважения к моей старости. Накупил по дешевке вещей, мне их красиво упаковали и красивой ленточкой перевязали. Так красиво, что я их до самого дома не разворачивал. А когда преподнес моей жене, Марии Алексеевне, кофту, то та ахнула — оказалась кофта без одного рукава, платье внучке вышло без воротника. Я смущенно краснел, что меня, старого дурака, обьогорили. Ситуацию поправила моя милая старушка:

— Ничего, Димочка, по всей вероятности, так модно сегодня ходить на Западе.

И мы все в удовольствие насмеялись.

Вернулся Борис, услышал отрывки последних фраз и, припоминая этот факт, лихо, как он умел, расхохотался. Его дружно, до слез, поддержали присутствующие.

— Да если бы только такие проказы устраивал мой сынок, Боря. Обратите внимание на этот портрет, — он раздвинул шторку над кроватью.

На большом плакате сидел коммерсант в бабочке и парил в тазу ноги. Когда мы повнимательнее присмотрелись к лицу, оно оказалось поразительно похоже на Раздобудькино.

— Ты посмотри, этот паршивец присосал мой фейс на плакате и повесил на том месте, где у меня висит меню на день. Зашел ко мне капитан, я только проснулся после адмиральского часа и не мог понять, что заставило смеяться всегда угрюмого капитана Соболева. А он мне пальцем тычет в плакат и спрашивает: "Что это такое?". Использовал, проказник, мою старую слабость по вечерам парить ноги и осрамил пред честным народом.

Но здесь заскрипел спикер, оповещая, что команда должна занять места по швартовому расписанию.

— Так, сынки, и нам пора делами заняться, ужин готовить будем, да и банкет для большого начальства мне организовать надо. А ну-ка, Вася, заместителя ко мне и Веру с холодных закусок, мигом, и посмотри, что с мясом делается.

Все разошлись по своим местам, и я неохотно побрел к капитану. Постучал в двери, представился. В меня вперились маленькие злые глазки:

— Вы к кому, голубчик, пришли? Какой у вас вид!

— К капитану, я новый ваш директор ресторана.

— Выйдите и приведите себя в порядок.

Я, признаться, не ожидал такого приема и, краснея, покинул капитанскую каюту. Долго стоял у зеркала, рассматривая себя. Я был одет в белоснежную французскую рубашку, такие же белые отутюженные брюки, в красивых белых итальянских штиблетах. Был молод, строен. Не найди никаких недостатков в себе и одежде, обратился к Борису: "Боря, что он от меня хочет, голубчик?".

— Эх, брат, "голубчик" у Соболева самое ругательное слово. А хочет он, что бы ты появился перед ним как положено, в форме, ты же старший офицер. Натерпишься ты от него. Он с поповских детей, не приучен к мату, но только душу без него выгнать. Ну не беда, пошли, подыщем тебе форму. Я тебе сейчас такой прикид найду, что сам Соболев ахнет. Капитан как капитан, ты еще нашу бухгалтершу Веру Григорьевну не видел. Она глаза и уши Соболева, и не знаю, что лучше для тебя, понравиться ей или нет. Понравилась — будет донимать тебя сек-

суальными домогательствами, нет — изживать с судна, старая карга.

— Боря, да ты меня совсем застрашал, "черт не выдаст — свинья не съест". Расскажи что-нибудь интересное. Пожужим — увидим.

Прошли в каюту, и хотя по своей архитектуре — это строгое жилище, каждый моряк начинает его своим содержанием, по которому можно давать характеристику хозяину. В каюте царил идеальный порядок, некоторые заморские безделушки приносили свой шарм. Но я никак не мог понять, что подчеркивало женское присутствие. Хотя на "пассажирах" это норма. Я уловил тонкий устоявшийся запах духов. Так, здесь бывает постоянная девочка.

— Для непостоянных у меня есть другие помещения. А здесь бывает только Татьяна.

— Я смеюсь, прикипел ты к ней и таскаешь с судна на судно.

— Я молод, ведь это норма. Вот ты видел нашего деда Раздобудько, а вкус к женщинам он не потерял. Вот что у меня вызывает симпатию. Иногда приходится оказывать ему помощь в этих делах.

— В каком плане? — с намеком спросил я.

— Эх ты, развратник, это у нас, молодых, просто секс, а у таких аксакалов, как дед — любовь. Дамы от ухаживания таких великовозрастных кавалеров, может быть, впервые в жизни понимают, какое это великое чувство. Когда тебя не просто сношают, а все пальчики облизывают, да теплое слово скажут, которое разогреет женское сердце. Женщина ждет от нас, кобелей, теплоты отношений, а вы что? Не успели до сиськи дотронуться, и уже антон вытаскиваете. Вот в Батуми стояли. На борт посторонних не пускают, судно не досмотрено, а она, бедненькая, стоит под дождем и своего принца ждет. Не старая, интеллигентная, педагог. А он-то как, сердешный, мается, а поделать ничего не может. Пришлось мне нанимать катер, да с противоположного борта через лаз затаскивать ее. Поутру Вера Григорьевна, бухгалтер и полиция нравов по совместительству, заметила неладное, давай в замочную скважину подглядывать. А сама не прочь, что бы и ей кто-нибудь молодецкий под хвост заехал, что чаще всего и бывает. Прибегает ко мне и говорит таинственно: "Боря, ты знаешь, у Дмитрия Сергеевича женщина в каюте, я видела ее ноги".

— Вы ошиблись, Вера Григорьевна, это, наверное, его носки, я уже был в каюте — у него никого нет.

— Слушай, дорогой, не кажется тебе, что мы заболтались с тобой, иди, "голубчик" тебя ждет. Да тут еще у нас один небольшой скандалчик назревает. Мясо запарили, а скоро ужин, новое дефростировать не успеем. Иду Раздобудьке доложить, выкручиваться, как-то надо.

У капитана я долго не задержался, представлять команде меня он перепоручил помпе, чему я был очень рад. Я вернулся в шефскую, где уже шел возбужденный разговор, что делать с мясом, которое оттаяло и издавало неприятный духан.

— Пошли все на камбуз, там и разберемся, — предложил Раздобудько. — Так. Вместо того чтобы разложить парное мясо, вы кинули его в кучей в холодильничек. Ну, вензеля по заслугам я раздам потом, а пока мыть мясо в проточной воде добеда.

Мясо выложили в портомойки и, кривя носами от неприятного запаха, начали мыть.

— Дмитрий Сергеевич, может, что-нибудь другое придумаем? — спросил заместитель.

— Предлагай, я готов выслушать.

— Может, заменим на птицу?

— А птица разве не в брикетах замороженная? Вот то-то и оно, времени у нас нет. Бог с ним, что мясо испортили. Что у нас по меню на ужин?

— Рубец по-швейцарски.

— Значит, будет де-воля по-венски, в сухарях.

— Так он же с куриной филейки готовится, — не унимался заместитель.

— Я приготовлю, ты и сам не разберешь, с чего оно.

Мясо вымыли добеда, неприятный запах ушел, снова промыли в растворе марганцовки и уксусной воде. Раздобудько обильно полил

(Окончание на 4-й стр.)

«Король камбуза»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Его грибным соусом, посыпал шафраном, и мясо приобрело золотистый цвет, органо завершило подготовительный букет. Дальнейшие манипуляции, похожие на колдовское священнодействие, — и блюдо, украшенное руками шефа, подали к столу.

Раздобудько скинул с себя грязную одежду, принял быстро душ и вышел в зал. Внешнее обаяние шефа вызывало всегда у пассажиров симпатии. Одна пышная блондинка поинтересовалась, из чего готовится "де-воляй по-венски".

— Вы бы не могли дать мне рецепт?

На что шеф таинственно с улыбкой ответил:

— Это небольшой секрет нашей фирмы.

Раздобудько вернулся на камбуз, там уже был аврал — мыли посуду и драили палубу с порошком. Все спрашивали, как прошел ужин.

— Не дождутся, чтобы у нас было плохо, но вы мне смотрите.

Он пригрозил заместителю пальцем. Тот, зная свою вину, наклонил, извиняясь, голову.

Сгурский, видя хорошее расположение шефа, обратился к нему:

— Дмитрий Сергеевич, ну после этого рейса в отпуск отпустите, к любимой теще в Курск надо съездить?

— Я его на повышение рекомендую, в заместители шефа перевожу, а он к теще собрался уезжать.

— Так одно же не должно мешать другому, один рейсик побуду дома, с женой, дочкой.

— А Людку на кого оставишь корабельную, наверное, тоже на снохас от тебя ходит? Да и тут разберемся, дети наша радость.

— Ну, что же, раз разберешься, пойдешь в отпуск. Сгурский, от радости пританцовывая, удалился, напевая собственное сочиненьце:

*Не в Одессу, в город Курский
По---чил Вася Сгурский.*

— Что, Володя, скажешь, пора и тебе на самостоятельную работу переходить, мастер ты неплохой.

Суда скоро новые придут, вот я и рекомендовал тебя руководству на должность шефа, — он обратился к заместителю.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, только боязно.

— Со мной ты все прошел, чего тебе бояться? Ты лучше скажи, сколько блюд осталось после ужина?

— Порций пятьдесят.

— А я же тебе приказывал, приготовь на сто больше.

— Да я-то сто и приготовил, но пассажиры просили добавки.

— Выставь все на окне у камбуза, да прикрой, чтобы не остыло, вахтаночная пусть побалуется ресторанной пищей. В общем, как всегда.

— Конечно, Дмитрий Сергеевич, все будет "о'кей".

— Проводите меня, дети, в каюту, я, признаться, сегодня очень устал.

На причал у морвокзала начали съезжаться черные членовозы. Банкет накрывали в красном зале. В четыре стекла и столько же приборов. По такому случаю принесли из запасов самую дорогую посуду, возможно, доставшуюся по репарации вместе с пароходом от третьего рейха. В такие ответственные моменты шеф сам украшал блюда и с камбуза уходил только тогда, когда стол был накрыт, а вкус и красота блюд не вызывали сомнения. Он принимал душ, обильно орошал себя французским "Балафре", надевал шикарную поварскую куртку, купленную специально для него в Марселе, и накрахмаленный кокошник. Господа-товарищи, увидев великолепие стола, как правило, приглашали старого известного кока поблагодарить. Так это было и в этот раз. Прошла официальная часть, прославили вождей и "успехи в труде" и, не помявшись, приступили к трапезе. А гости в большинстве были знаменитые: секре-

тарь обкома Синеца, комиссар милиции Гайдамака, зам. министра морского флота, крутые цекашники и для приличия несколько дам. Необходимо отметить, что Гайдамака считал своим долгом до того пообщаться со знакомым ему и авторитетным шефом в каюте, по-дружески, пропустить стаканчик холодной водочки, закусив простым соевым огурцом и кусочком сочной свининки, не пользуясь при этом никакими приборами, просто со смаком — руками. Когда в зал зашел Раздобудько и подошел к банкетному столу, Гайдамака поднялся, за ним Синеца, цекашники. Представляете себе зрелище: чиновники стоя, в непривычной для них позе приветствовали старого кока. Растерянный и растроганный Раздобудько не знал как себя вести, он поднял обе свои огромные руки и трепетно сказал: "Не надо, сынки, ешьте на здоровье". Его насильно, с нарушением протокола, усадили за стол. Но он так ни к чему и не притронулся. Отработанная десятилетиями линия поведения старого повара не давала ему права участвовать в трапезе, его святая обязанность была готовить ее. Он был королем стола, и когда большая часть спиртного была выпита, он тихо, не прощаясь, по-английски вышел. Не создавая своим присутствием и уходом никаких неудобств.

Прошло несколько лет, я пришел к директору ресторана "Черное море". Намечался банкет в честь мэра города-побратима нашей Одессы, Марселя. Но какой же банкет французам без лягушек? Доставили из Вилково в термосе, обложенном льдом, лягушек. Но кто же их приготовит? Вспомнили о старом коке Раздобудько. Он на дрожащих ногах с сопровождением проследовал на кухню. Несколько поварах брезгливо рассматривали рептилий, и никто не решился взять их в руки. Кока усадили на скамеечку, так как он долго не мог стоять. Поваришки заголосили: "Мы не возьмем их в руки, мы боимся!".

— Та шо вы, деточки, це ж так просто.

Он взял лягушку за задние лапы, она как по команде выпрямилась, ловко отсек кривым ножом переднюю часть, виртуозно снял тонкую шкурку и отрезал коготки, бросил на противень. Одной беременной поварешке при виде непривычной разделки лягушек стало плохо, ее удалили с кухни.

— Девочки, не стойте, разогрейте сливочное масло и добавьте растительного, чтобы не горело. Приготовьте панировочные сухари, остальное я сделаю сам.

Он быстро обжарил тушки, украсил блюдо зеленью и передал в зал. Я подошел к нему, когда он закончил работу, — поздороваться.

— Дмитрий Сергеевич, ну как дела, не собираетесь ли в рейс?

— Звал Соболев, видать, отплавался моряк. Для моряка море, как бальзам, и душу лечит, да вот старушка моя совсем плоха. Если я и обделил кого своим вниманием, так это ее, всю жизнь проболтался в море. Без меня она детей вырастила и теперь под конец жизни негоже ее бросать одну.

Через несколько лет старик умер, немного не дожив до своего девяностолетия, успев похоронить свою Марию Алексеевну.

Я неисправимый мечтатель и оптимист, мне кажется, что пройдет время, мой любимый город возродит свой пассажирский флот. И однажды на одесском морском причале пришвартуется современный белый красавец лайнер, который будет гордо нести на своем борту имя изюминки нашего Черноморского морского пароходства: "Дмитрий Раздобудько". Может, к тому времени многих из нас не будет в живых, но так ли это важно, если подобное чудо произойдет?

Евгений НИКОЛАЕНКО.

Татьяна ОРБАТОВА

СВЕЧЕНИЕ БОРЗОСТИ, или ГУНДОВИНА — 11

Родилась я в пятницу, тринадцатого, и зовут меня Гундовина-11. Игрушек у меня нет. Разве что пара-тройка металлических пуговиц и серенький сюртучок в стиле товарища Сталина. Правда, был какой-то пентотал, доставшийся мне от одного монаха по кличке Сопель, который сбежал из психушки и по сей день живет в моем скромном жилище — клетке. Кстати, неплохой человек. Говорит, что я похожа на Гундовину-10. Лыстит, наверно. Но все равно — приятно. Гундовина-10, несмотря на ее неудавшуюся жизнь, всегда останется для меня эталоном стремления к борзости. Она была маленькой, юркой, с цепким взглядом и острыми зубками... пока замуж не вышла. Послебрачные игры превратили малютку в эталон заземленности. И все потому, что муж принуждал ее стирать грани между прошлым и настоящим, а когда увидел, что все грани стерты, воспользовался плодами ее трудов и ринулся в будущее... без нее. Гундовина-10 пыталась протиснуться в его будущий мир без спасательного жилета, но бурные водовороты межличностных отношений отбросили ее на много лет назад, в те грани, которые она однажды переступила. В них она и утонула.

Ее горький опыт привел меня к выводу, что стирать грани между прошлым и настоящим надо самостоятельно, а стремиться в будущее — не обращая внимания на межличностные отношения. Однако применению этой теории на практике помешал Сопель. Он взялся учить меня. Например, как ходить по клетке с высоко поднятой головой. Правда, после трехдневного хождения с задранной вверх носом у меня появилось головокружение и шум в ушах, переходящий в шепот голосов. Но Сопель сказал, что это первый этап превращения меня из несвободного существа в эталон борзости и посоветовал продолжать упражнение. Я продолжала, но после трехнедельной практики в клетке появились соседи. Откуда они взялись — непонятно, так как дверь в клетку я запираю. На вопросы они не отвечали, только бубнили, что им, видите ли, хочется такой же борзости, как у меня... Сразу же после этого Сопель объявил мне, что его миссия закончена, и что он уходит назад в психушку применять свой практически диатонический звукокорд среди своих собратьев.

Я не знала, что делать с соседями по клетке. Они мешали мне стремиться в будущее. Притащили откуда-то два подсвечника и четыре бутылки керосина, чтобы я разработала новый ритуал посвящения неопитов под названием "Све-

чение борзости", одели меня в мой же сюртук "а-ля товарищ Сталин" и принялись подставлять мне свои морды, чтобы я тыкала в них подсвечниками. Я злилась, так как не понимала, почему борзость должна светиться непременно от керосина и зачем тыкать подсвечниками непосредственно в морды. Я вообще не люблю играть в игрушки, а борзость моя светится и без горючесмазочных веществ. Но им этого объяснить не могла. Они урчали от удовольствия, когда я, продолжая шествовать по клетке с высоко поднятой головой, топала их тщедушные тушки и куда ни попадая тыкала подсвечниками. Борзости от этого у них не прибавлялось, зато их глаза светились от удовлетворения и счастья. В такие минуты я не без горечи вспоминала Гундовину-10. Ей тоже мешали стремиться в будущее.

"Жизнь — это путь и пути..." — пыталась я объяснить сей феномен сама себе, но настроение не улучшалось, а будущее с каждым днем становилось все более неопределенным.

И тут вернулся Сопель, который, как оказалось, все это время проверял меня на борзость, и именно для этого подсунил в мое жилище соседей, которые впрочем, были его же собственными материализовавшимися желаниями. Сопель был одет во все натуральное, но на средневековый лад. Настроение его тоже проявлялось по-разному — то в миноре, то в мажоре. Мои соседи по клетке не обращали на него внимания — они ждали только одного — когда я буду им тыкать подсвечниками в морду. Некоторые, правда, уже хотели не только в морду.

Надо отдать должное Сопелю, он, чтобы спасти меня, применил весь свой практически диатонический звукокорд, чтобы этим бестолковыми придать черты европейского мышления. Ему удалось, и с этого момента их хорды приобрели трех-четырёх-шестизначный код. Они стали ходить с высоко поднятой головой, не обращая внимания ни на меня, ни на Сопеля. И тут Сопель понял, что промахнулся — все не могут ходить с высоко поднятой головой, иначе будет нарушено равновесие. Наконец-то пригодился кубик этого самого пентотала... Размешав препарат с тоником, Сопель сделал моим соседям по клетке внутривенные инъекции. И вот тут я увидела, какой может быть настоящая борзость. Соседи сначала объединились в народ и, хаотично бегая по клетке, почти затоптали нас с Сопелем. Потом особенно борзые, которые ранее больше всех любили, чтобы им тыкали в морду подсвечниками, разделили народ на партии, после чего каждая

партия, объявив себя самой правильной, спела свою партию. Разногласица была такой, что мы с Сопелем на несколько часов полностью забыли о будущем. Они же о будущем не думали вовсе. Просто орали друг другу свои песни, пока не оборзели окончательно и не перешли в рукопашную. Побито было немало соседей.

От вида крови и немереного количества раненых мы с Сопелем вспомнили о будущем и решились на крайние меры — открыли двери клетки, чтобы все это (соседи, объединившиеся в народ, и народ, разделившийся на партии) убралось из нашей ранее тихой обители. Но этот народ был особенным. Проявляя немислимую борзость в исполнении своих партий, он, тем не менее, не желал выходить из клетки. Пришлось ждать окончания действия пентотала с тоником. Минуты тянулись, словно часы, а часы словно вечность, и наконец-то препарат был выведен вместе с продуктами полураспада из их тщедушных телец.

Слава Богу, невероятная борзость всегда забирает много сил, и благодаря этому народ уснул... Когда наутро соседи продрали глаза, спросонья забыв про народ, мы уже были наготове — с подсвечниками, которыми сразу же стали тыкать им в морды, и с керосином, которым поливали их обмякшие со сна тушки. Жаль, не было спичек, а то стоило бы применить крайнюю борзость, спалив к чертовой матери клетку вместе со всем ее содержимым. Правда, себя жаль. Сгореть, не дождавшись будущего... Конечно, можно было бы покинуть свое жилище и дать толчок новому Великому Переселению народов, но слишком уж мы с Сопелем привязались к клетке. Столько воспоминаний и эмоций связано с ней! Поэтому о спичках я не помышляю...

А будущее... теперь я мало думаю и о нем. Если в том будущем будет такая борзость, какую я видела недавно, лучше жить настоящим. А значит, нужна самая малость — исполнять желания соседей по клетке, тыкая их подсвечниками в морду, и, напавив сюртук "а-ля товарищ Сталин", посвящать их в мнимый ритуал "Свечение борзости", рассказывая, что их средневековое звучание давно обрело европейскую тональность...

...Есть еще причина, по которой я почти не думаю о будущем: Сопель сказал, что самое главное — не думать о нем, и тогда оно обязательно наступит. Остается надеяться на то, что он прав. Хотя иногда меня все же посещают мысли о счастлилом будущем, в котором народ Сопеля, ставший мне уже родным, будет по-настоящему Великим...

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,
смотрите сайт
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org

«Король камбуза»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Его грибным соусом, посыпал шафраном, и мясо приобрело золотистый цвет, органо завершило подготовительный букет. Дальнейшие манипуляции, похожие на колдовское священнодействие, — и блюдо, украшенное руками шефа, подали к столу.

Раздобудько скинул с себя грязную одежду, принял быстро душ и вышел в зал. Внешнее обаяние шефа вызывало всегда у пассажиров симпатии. Одна пышная блондинка поинтересовалась, из чего готовится "де-воляй по-венски".

— Вы бы не могли дать мне рецепт?

На что шеф таинственно с улыбкой ответил:

— Это небольшой секрет нашей фирмы.

Раздобудько вернулся на камбуз, там уже был аврал — мыли посуду и драили палубу с порошком. Все спрашивали, как прошел ужин.

— Не дождутся, чтобы у нас было плохо, но вы мне смотрите.

Он пригрозил заместителю пальцем. Тот, зная свою вину, наклонил, извиняясь, голову.

Сгурский, видя хорошее расположение шефа, обратился к нему:

— Дмитрий Сергеевич, ну после этого рейса в отпуск отпустите, к любимой теще в Курск надо съездить?

— Я его на повышение рекомендую, в заместители шефа перевожу, а он к теще собрался уезжать.

— Так одно же не должно мешать другому, один рейсик побуду дома, с женой, дочкой.

— А Людку на кого оставишь корабельную, наверное, тоже на снохас от тебя ходит? Да и тут разберемся, дети наша радость.

— Ну, что же, раз разберешься, пойдешь в отпуск. Сгурский, от радости пританцовывая, удалился, напевая собственное сочиненьце:

*Не в Одессу, в город Курский
По---чил Вася Сгурский.*

— Что, Володя, скажешь, пора и тебе на самостоятельную работу переходить, мастер ты неплохой.

Суда скоро новые придут, вот я и рекомендовал тебя руководству на должность шефа, — он обратился к заместителю.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, только боязно.

— Со мной ты все прошел, чего тебе бояться? Ты лучше скажи, сколько блюд осталось после ужина?

— Порций пятьдесят.

— А я же тебе приказывал, приготовь на сто больше.

— Да я-то сто и приготовил, но пассажиры просили добавки.

— Выставь все на окне у камбуза, да прикрой, чтобы не остыло, вахтаночная пусть побалуется ресторанной пищей. В общем, как всегда.

— Конечно, Дмитрий Сергеевич, все будет "о'кей".

— Проводите меня, дети, в каюту, я, признаться, сегодня очень устал.

На причал у морвокзала начали съезжаться черные членовозы. Банкет накрывали в красном зале. В четыре стекла и столько же приборов. По такому случаю принесли из запасов самую дорогую посуду, возможно, доставшуюся по репарации вместе с пароходом от третьего рейха. В такие ответственные моменты шеф сам украшал блюда и с камбуза уходил только тогда, когда стол был накрыт, а вкус и красота блюд не вызывали сомнения. Он принимал душ, обильно орошал себя французским "Балафре", надевал шикарную поварскую куртку, купленную специально для него в Марселе, и накрахмаленный кокошник. Господа-товарищи, увидев великолепие стола, как правило, приглашали старого известного кока поблагодарить. Так это было и в этот раз. Прошла официальная часть, прославили вождей и "успехи в труде" и, не помявшись, приступили к трапезе. А гости в большинстве были знаменитые: секре-

тарь обкома Синеца, комиссар милиции Гайдамака, зам. министра морского флота, крутые цекашники и для приличия несколько дам. Необходимо отметить, что Гайдамака считал своим долгом до того пообщаться со знакомым ему и авторитетным шефом в каюте, по-дружески, пропустить стаканчик холодной водочки, закусив простым соевым огурцом и кусочком сочной свининки, не пользуясь при этом никакими приборами, просто со смаком — руками. Когда в зал зашел Раздобудько и подошел к банкетному столу, Гайдамака поднялся, за ним Синеца, цекашники. Представляете себе зрелище: чиновники стоя, в непривычной для них позе приветствовали старого кока. Растерянный и растроганный Раздобудько не знал как себя вести, он поднял обе свои огромные руки и трепетно сказал: "Не надо, сынки, ешьте на здоровье". Его насильно, с нарушением протокола, усадили за стол. Но он так ни к чему и не притронулся. Отработанная десятилетиями линия поведения старого повара не давала ему права участвовать в трапезе, его святая обязанность была готовить ее. Он был королем стола, и когда большая часть спиртного была выпита, он тихо, не прощаясь, по-английски вышел. Не создавая своим присутствием и уходом никаких неудобств.

Прошло несколько лет, я пришел к директору ресторана "Черное море". Намечался банкет в честь мэра города-побратима нашей Одессы, Марселя. Но какой же банкет французам без лягушек? Доставили из Вилково в термосе, обложенном льдом, лягушек. Но кто же их приготовит? Вспомнили о старом коке Раздобудько. Он на дрожащих ногах с сопровождением проследовал на кухню. Несколько поварах брезгливо рассматривали рептилий, и никто не решился взять их в руки. Кока усадили на скамеечку, так как он долго не мог стоять. Поваришки заголосили: "Мы не возьмем их в руки, мы боимся!".

— Та шо вы, деточки, це ж так просто.

Он взял лягушку за задние лапы, она как по команде выпрямилась, ловко отсек кривым ножом переднюю часть, виртуозно снял тонкую шкурку и отрезал коготки, бросил на противень. Одной беременной поварешке при виде непривычной разделки лягушек стало плохо, ее удалили с кухни.

— Девочки, не стойте, разогрейте сливочное масло и добавьте растительного, чтобы не горело. Приготовьте панировочные сухари, остальное я сделаю сам.

Он быстро обжарил тушки, украсил блюдо зеленью и передал в зал. Я подошел к нему, когда он закончил работу, — поздороваться.

— Дмитрий Сергеевич, ну как дела, не собираетесь ли в рейс?

— Звал Соболев, видать, отплавался моряк. Для моряка море, как бальзам, и душу лечит, да вот старушка моя совсем плоха. Если я и обделил кого своим вниманием, так это ее, всю жизнь проболтался в море. Без меня она детей вырастила и теперь под конец жизни негоже ее бросать одну.

Через несколько лет старик умер, немного не дожив до своего девяностолетия, успев похоронить свою Марию Алексеевну.

Я неисправимый мечтатель и оптимист, мне кажется, что пройдет время, мой любимый город возродит свой пассажирский флот. И однажды на одесском морском причале пришвартуется современный белый красавец лайнер, который будет гордо нести на своем борту имя изюминки нашего Черноморского морского пароходства: "Дмитрий Раздобудько". Может, к тому времени многих из нас не будет в живых, но так ли это важно, если подобное чудо произойдет?

Евгений НИКОЛАЕНКО.

Татьяна ОРБАТОВА

СВЕЧЕНИЕ БОРЗОСТИ, или ГУНДОВИНА — 11

Родилась я в пятницу, тринадцатого, и зовут меня Гундовина-11. Игрушек у меня нет. Разве что пара-тройка металлических пуговиц и серенький сюртучок в стиле товарища Сталина. Правда, был какой-то пентотал, доставшийся мне от одного монаха по кличке Сопель, который сбежал из психушки и по сей день живет в моем скромном жилище — клетке. Кстати, неплохой человек. Говорит, что я похожа на Гундовину-10. Лыстит, наверно. Но все равно — приятно. Гундовина-10, несмотря на ее неудавшуюся жизнь, всегда останется для меня эталоном стремления к борзости. Она была маленькой, юркой, с цепким взглядом и острыми зубками... пока замуж не вышла. Послебрачные игры превратили малютку в эталон заземленности. И все потому, что муж принуждал ее стирать грани между прошлым и настоящим, а когда увидел, что все грани стерты, воспользовался плодами ее трудов и ринулся в будущее... без нее. Гундовина-10 пыталась протиснуться в его будущий мир без спасательного жилета, но бурные водовороты межличностных отношений отбросили ее на много лет назад, в те грани, которые она однажды переступила. В них она и утонула.

Ее горький опыт привел меня к выводу, что стирать грани между прошлым и настоящим надо самостоятельно, а стремиться в будущее — не обращая внимания на межличностные отношения. Однако применению этой теории на практике помешал Сопель. Он взялся учить меня. Например, как ходить по клетке с высоко поднятой головой. Правда, после трехдневного хождения с задранной вверх носом у меня появилось головокружение и шум в ушах, переходящий в шепот голосов. Но Сопель сказал, что это первый этап превращения меня из несвободного существа в эталон борзости и посоветовал продолжать упражнение. Я продолжала, но после трехнедельной практики в клетке появились соседи. Откуда они взялись — непонятно, так как дверь в клетку я запираю. На вопросы они не отвечали, только бубнили, что им, видите ли, хочется такой же борзости, как у меня... Сразу же после этого Сопель объявил мне, что его миссия закончена, и что он уходит назад в психушку применять свой практически диатонический звукокорд среди своих собратьев.

Я не знала, что делать с соседями по клетке. Они мешали мне стремиться в будущее. Притащили откуда-то два подсвечника и четыре бутылки керосина, чтобы я разработала новый ритуал посвящения неопитов под названием "Све-

чение борзости", одели меня в мой же сюртук "а-ля товарищ Сталин" и принялись подставлять мне свои морды, чтобы я тыкала в них подсвечниками. Я злилась, так как не понимала, почему борзость должна светиться непременно от керосина и зачем тыкать подсвечниками непосредственно в морды. Я вообще не люблю играть в игрушки, а борзость моя светится и без горючесмазочных веществ. Но им этого объяснить не могла. Они урчали от удовольствия, когда я, продолжая шествовать по клетке с высоко поднятой головой, топала их тщедушные тушки и куда ни попадая тыкала подсвечниками. Борзости от этого у них не прибавлялось, зато их глаза светились от удовлетворения и счастья. В такие минуты я не без горечи вспоминала Гундовину-10. Ей тоже мешали стремиться в будущее.

"Жизнь — это путь и пути..." — пыталась я объяснить сей феномен сама себе, но настроение не улучшалось, а будущее с каждым днем становилось все более неопределенным.

И тут вернулся Сопель, который, как оказалось, все это время проверял меня на борзость, и именно для этого подсунил в мое жилище соседей, которые впрочем, были его же собственными материализовавшимися желаниями. Сопель был одет во все натуральное, но на средневековый лад. Настроение его тоже проявлялось по-разному — то в миноре, то в мажоре. Мои соседи по клетке не обращали на него внимания — они ждали только одного — когда я буду им тыкать подсвечниками в морду. Некоторые, правда, уже хотели не только в морду.

Надо отдать должное Сопелю, он, чтобы спасти меня, применил весь свой практически диатонический звукокорд, чтобы этим бестолковыми придать черты европейского мышления. Ему удалось, и с этого момента их хорды приобрели трех-четырёх-шестизначный код. Они стали ходить с высоко поднятой головой, не обращая внимания ни на меня, ни на Сопеля. И тут Сопель понял, что промахнулся — все не могут ходить с высоко поднятой головой, иначе будет нарушено равновесие. Наконец-то пригодился кубик этого самого пентотала... Размешав препарат с тоником, Сопель сделал моим соседям по клетке внутривенные инъекции. И вот тут я увидела, какой может быть настоящая борзость. Соседи сначала объединились в народ и, хаотично бегая по клетке, почти затоптали нас с Сопелем. Потом особенно борзые, которые ранее больше всех любили, чтобы им тыкали в морду подсвечниками, разделили народ на партии, после чего каждая

партия, объявив себя самой правильной, спела свою партию. Разногласица была такой, что мы с Сопелем на несколько часов полностью забыли о будущем. Они же о будущем не думали вовсе. Просто орали друг другу свои песни, пока не оборзели окончательно и не перешли в рукопашную. Побито было немало соседей.

От вида крови и немереного количества раненых мы с Сопелем вспомнили о будущем и решились на крайние меры — открыли двери клетки, чтобы все это (соседи, объединившиеся в народ, и народ, разделившийся на партии) убралось из нашей ранее тихой обители. Но этот народ был особенным. Проявляя немислимую борзость в исполнении своих партий, он, тем не менее, не желал выходить из клетки. Пришлось ждать окончания действия пентотала с тоником. Минуты тянулись, словно часы, а часы словно вечность, и наконец-то препарат был выведен вместе с продуктами полураспада из их тщедушных телец.

Слава Богу, невероятная борзость всегда забирает много сил, и благодаря этому народ уснул... Когда наутро соседи продрали глаза, спросонья забыв про народ, мы уже были наготове — с подсвечниками, которыми сразу же стали тыкать им в морды, и с керосином, которым поливали их обмякшие со сна тушки. Жаль, не было спичек, а то стоило бы применить крайнюю борзость, спалив к чертовой матери клетку вместе со всем ее содержимым. Правда, себя жаль. Сгореть, не дождавшись будущего... Конечно, можно было бы покинуть свое жилище и дать толчок новому Великому Переселению народов, но слишком уж мы с Сопелем привязались к клетке. Столько воспоминаний и эмоций связано с ней! Поэтому о спичках я не помышляю...

А будущее... теперь я мало думаю и о нем. Если в том будущем будет такая борзость, какую я видала недавно, лучше жить настоящим. А значит, нужна самая малость — исполнять желания соседей по клетке, тыкая их подсвечниками в морду, и, напавив сюртук "а-ля товарищ Сталин", посвящать их в мнимый ритуал "Свечение борзости", рассказывая, что их средневековое звучание давно обрело европейскую тональность...

...Есть еще причина, по которой я почти не думаю о будущем: Сопель сказал, что самое главное — не думать о нем, и тогда оно обязательно наступит. Остается надеяться на то, что он прав. Хотя иногда меня все же посещают мысли о счастлилом будущем, в котором народ Сопеля, ставший мне уже родным, будет по-настоящему Великим...

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,
смотрите сайт
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org

ГЕОРГИЙ ГАМОВ — КЛАССИК СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

(Окончание. Начало в № 55.)

Имя Гамова в Советском Союзе было подвергнуто официальному забвению и почти на полвека исчезло из истории отечественной науки. Лишь в 1990 г. решением общего собрания членов Академии наук СССР Гамов через 22 года после смерти был восстановлен в Академии наук.

В 1940 г. Джордж Гамов получает гражданство США. Более 20 лет он работает завкафедрой, профессором Университета им. Дж. Вашингтона (Вашингтон), последние 12 лет — профессором Колорадского университета (Боулдер).

Джордж Гамов умер от болезни печени в августе 1968 г. и похоронен в Боулдере (штат Колорадо). В Боулдере жива память о Гамове — сегодня новое поколение ученых и студентов работает и учится в Космическом центре "Джордж Гамов тауэр".

В Вашингтоне Гамов становится организатором проведения ежегодной Международной конференции по теоретической физике (по прообразу конференций, проводимых Нильсом Бором). До войны прошло пять конференций с участием светил физической науки — лауреатов и будущих лауреатов Нобелевской премии Нильса Бора, Ханса Бете, Поля Дельрюка, Энрике Ферми и др.

Получив право приглашения на работу в Университет им. Дж. Вашингтона еще одного сотрудника, Гамов в 1935 г. приглашает талантливого физика, 26-летнего венгерского еврея Эдварда Теллера, знакомство и дружба с которым были еще с Копенгагена.

Теллер был ярым антикоммунистом, по его словам, он им стал еще в 1919 г. во время путча венгерских коммунистов, особенно он утвердился в своих взглядах после бесед с Гамовым и известия об аресте Льва Ландау. Эдвард Теллер стал "отцом американской водородной бомбы" — когда президент Трумен колебался в выдаче разрешения на разработку термоядерного оружия, Теллер активно настаивал на разработке водородной бомбы, доказывая, что "Советы такую сверхбомбу скоро создадут".

Гамов высоко ценил научный талант и организаторские способности Теллера и часто шутил утверждал, что ему (Гамову) Америка обязана разработкой водородной бомбы, ибо не пригласи он Теллера работать в Америку, водородной бомбы у Америки бы не было. Гамов был в чем-то прав — именно он убедил заняться ядерной физикой Эдварда Теллера, до тех пор работавшего в области молекулярной химии.

Гамов и Теллер были почти одногродки, но Теллер намного пережил своего друга. До последнего дня жизни (он умер в сентябре 2003 г.) Теллер занимал ведущее место в мировой науке, американской военной промышленности и общественной жизни. Корреспонденты рассказывали, что когда Теллера на президентском приеме в Белом доме представили Михаилу Горбачеву, последний не осмыслил, о ком идет речь, и не проявил к личности Теллера никакого интереса, заметив: "Распространенная фамилия".

В 1928 г. Гамов впервые в мире сформулировал квантово-механическую теорию радиоактивного распада, а в 1936 г. им совместно с Э. Теллером была обобщена теория еще одного вида радиоактивности — бета-распада.

В 1937-1940 гг. научными интересами Гамова становятся астрофизика и космология. Он впервые в мире приступает к расчету моделей звезд с термоядерными источниками энергии, разрабатывает теорию процессов звездной эволюции, а в 1942 г. совместно с Э. Теллером — теорию строения красных гигантов.

Одновременно Гамовым было

проведено исследование роли нейтрино при вспышках новых и сверхновых звезд, создана теория образования химических элементов путем нейтронного захвата.

В период Второй мировой войны Гамов сотрудничает с военным ведомством США в качестве консультанта Отделения взрывчатых веществ, проводит работу по изучению детонации ударных волн при различных взрывах. Одновременно с ним с военным ведомством США сотрудничает Альберт Эйнштейн, живущий в Принстоне.

Гамов ежедневно ездит к нему домой для совместного обсуждения научных и технических вопросов.

Считаясь одним из крупнейших теоретиков-ядерщиков, Гамов к работе над атомной бомбой (т. н. "Манхэттенский проект", который осуществляли Роберт Оппенгеймер, Эдвард Теллер и Ханс Бете) допущен не был из-за своего сомнительного для американцев происхождения. Американцам было известно, что Гамов в Советском Союзе преподавал физику в петроградской Артиллерийской школе им. Красного Октября, числился командиром Красной Армии. Кроме того, американцам было известно об активной работе советской агентуры среди ученых левых взглядов и "невозвращенцев" и они не без основания опасались возможности вербовки Гамова советской разведкой, хотя у ФБР на этот счет не было никаких конкретных фактов.

В последующем Гамов не раз упоминал о своем неучастии в "Манхэттенском проекте" и подчеркивал, что не имел никакого отношения ни к атомной бомбе, ни к жертвам Хиросимы и Нагасаки.

Интересно заметить, что и Эйнштейн не был допущен к секретам "Манхэттенского проекта".

В 1949 г. Гамов, пройдя вторичную проверку на благонадежность, стал сотрудничать в Лос-Аламосской атомной лаборатории с "отцом водородной бомбы" Эдвардом Теллером и "матерью водородной бомбы" Станиславом Уламом, бывал на атомном полигоне — атолле Бикини.

Ученые справедливо отдавали дань теоретическому вкладу Гамова в ядерную физику.

Теллер признавал Гамова "ученым, начавшим в Соединенных Штатах теоретические работы, которые впоследствии привели к самому большому взрывному явлению, когда-либо осуществленному человеком", и называл термоядерные реакции "Гамовскими играми", считая "чемпионом Гамовских игр" Ханса Бете.

В послевоенные годы Гамов продолжает работу в области астрофизики и космологии. В 1946-1948 гг. им была выдвинута теория образования химических элементов путем последовательного нейтронного захвата. В результате десятилетней работы (с 1946 г.), по выражению Гамова, по "скреживанию космологии с ядерной физикой" им впервые в мире была обоснована ныне общепризнанная "теория горячей Вселенной", именуемая на Западе теорией "Big Bang" (теория большого взрыва).

Гамов никогда не забывал науку своей студенческой юности — космологию. В студенческие годы ему посчастливилось слушать лекции творца современной космологии Александра Александровича Фридмана (Гамов воспринял космологию "еще тепленькой"), который в 1922 г. доказал, что из общей теории относительности можно сделать вывод о расширении Вселенной.

Первоначально отвергая этот вывод, А. Эйнштейн впоследствии признал правоту А. Фридмана.

Работы А. Фридмана, дискуссии вокруг них, жаркий научный спор Фридмана с Эйнштейном — все это живо интересовало Гамова, который еще в последнем классе ре-

ального училища в Одессе серьезно увлекся специальной и общей теорией относительности Эйнштейна и приобрел "уйму до некоторой степени неупорядоченных знаний в этой области".

Совсем не удивительно, что в 1946 г. Гамов становится автором теории горячей Вселенной (теория большого взрыва). Космологическая теория Гамова (основанная на построенной А. Фридманом картине расширяющейся Вселенной) объясняет процесс синтеза химических элементов при происходящих повсюду во Вселенной взрывах и ядерных реакциях и, как следствие, наличие космического реликтового (остаточного) излучения, которое приходит из любой точки неба. Гамовым с завидной точностью рассчитано была определена температура космического излучения — приблизительно 3 Кельвина.

Доказательство горячего начала Вселенной было получено через 15 лет, когда американские радиоастрономы Арно Пензиас и Роберт Вильсон подтвердили теоретические догадки Гамова, практически открыв космический фон излучения и измерив его температуру. Она оказалась равной примерно 3 по абсолютной шкале Кельвина!

Интересно заметить, что ученые абсолютно ничего не знали о разработанной Гамовым теории и, естественно, в своей публикации не упомянули его имя.

Теория горячей Вселенной является наиболее существенным открытием американского периода жизни Гамова. Вот уже несколько десятилетий она постоянно дополняется многими теоретическими и практическими сведениями — точно измеренной температурой космического излучения (2,732 Кельвина), определением тяжелых химических элементов, которые синтезируются при эволюции звезд и взрывах сверхновых звезд, теорией конечного размера Вселенной и др.

В 1954 г. я сделал довольно экстравагантное отклонение в биологию. "Экстравагантное отклонение в биологию" — это совсем мягко сказано человеком, являющимся полным дилетантом в биологии. Хотя проявлявшийся ранее интерес к наследственности сыграл немаловажную роль в личной жизни Гамова. Вспоминая о своей первой женитьбе, Гамов писал: "Причина нашей женитьбы была основана на законах генетики или, можно сказать, хиромантии. Дело в том, что расположение трех линий на моих ладонях имеет вполне определенный смысл для цыганских предсказаний судьбы". Оказалось, что линии на его обеих ладонях полностью соответствовали линиям на ладонях его будущей жены, а впоследствии и на ладонях их сына. Трудно сказать, интересовался ли Гамов работами жившего в XIX веке австрийского монаха Грегора Менделя, копавшегося на окраине Брно в своем огороде, выращивавшего там горох и позднее описывавшего наследственные качества гороха — их форму, размеры, цвет. Конечно, Гамов знал имя австрийского монаха, ибо внимательно следил за жизнью в Советском Союзе, где весь могучий партийно-правительственный аппарат страны беспрерывно боролся с "лженаукой" Менделя-Моргана и их "абстрактными генами".

В 1953 г. Гамов случайно знакомится с публикацией американского биолога Джеймса Уотсона и британского кристаллографа Френсиса Крика, впервые описавших структуру молекул ДНК, а вместе с тем и секрет того, как клетки и организмы передают информацию от одного поколения к другому.

И описываемая учеными проблема генетического кодирования его заинтересовала. Было общеизвестно, что за-

пись индивидуальных свойств белка, являющегося "строителем" для живых тканей, определяется тем, из каких аминокислот и в какой их последовательности белок образован.

Д. Уотсон и Ф. Крик установили, что эта запись осуществляется с помощью выстроенных друг за другом четырех нуклеотидов — аденина, гуанина, цитозина и тимина. И если их обозначить буквенно (А, Т, С и G), то можно определить "слово"-цепочку. Таким образом, универсальный способ "словесной" записи генетической информации с помощью четырехбуквенного алфавита нуклеотидов определяет название аминокислоты, а каждое "предложение" определяет белок.

"Будучи еще студентом в Одессе, я собирался стать математиком, и для меня настоящая "чистая" математика ассоциировалась с такими ее областями, как теория чисел, топология и теория множеств", — вспоминал Гамов.



Естественно, познакомившись с работой Уотсона и Крика, Гамов не мог не потряхнуть "студенческой старинкой" и не задать себе прагматичный вопрос: "Если в 'алфавите жизни' 4 буквы, то как из них строятся 'слова жизни'?". Используя математический аппарат, Гамов высказывает идею об универсальном коде с трехбуквенными словами, которых в четырехбуквенном алфавите может быть 4 в третьей степени, т. е. 64 слова. Оставалось экспериментально выявить соответствие 64 "слов языка жизни" с 20 аминокислотами, из которых строятся белки. И вскоре экспериментальные работы биологов подтвердили предположения Гамова.

Так на стыке биологии, математики и информационной теории родилось открытие.

Это был триумф генетики, научный триумф Гамова, которому всего лишь "было занято разгадывать коды".

Несмотря на яркий талант и очевидные научные заслуги, Нобелевская премия Гамова обошла. Сегодня нет ни одной публикации, в которой бы не отмечалось, что Гамов был "трижды Нобелевский нелауреат". При этом имеется в виду, что трижды были получены Нобелевские премии учеными, использовавшими впоследствии гамовские теоретические разработки нобелевского уровня и выполнившими свои работы на основании этих идей.

Одессит Гамов пронес через всю жизнь врожденное чувство юмора. О его шутках и розыгрышах ходили легенды. Были и небыллицы о Гамове, человеке, неистощимом на выдумки в науке и жизни, они давно стали неотъемлемой частью "физического фольклора" среди ученых мира.

Подготовив со своим ассистентом Ральфом Альфредом статью об образовании химических элементов путем нейтронного захвата, Гамов уговорил своего приятеля, будущего лауреата Нобелевской премии Ханса Бете, не принимав-

шего участия в работе, также подписаться под статьей. Получился авторский коллектив Альфер-Бете-Гамов, что дало возможность Гамову, используя греческий алфавит, дать название "теория альфа-бета-гамма".

Заметим, что эта статья была опубликована в журнале "Physical Revue" именно 1 апреля 1948 г. Одессит Гамов по-своему отмечал эту дату задолго до проведения знаменитых одесских "Юморин".

Известный физик Анатолий Абрахам вспоминал: "Гамов был большой шутник. Например, в своей книге о строении ядра, выпущенной издательством Оксфордского университета в 1937 г., он ссылается на публикацию Ландау в несуществующем журнале "Червовый гудок", название которого Гамов выдумал".

Зарубежные библиотеки безрезультатно пытались выписать "новый" журнал.

Ландау в то время работал в Харьковском институте физики, руководство которого часто, как это было принято в то время, рапортовало на украинском языке Центральному комитету партии и родному Советскому правительству о своих достижениях. Отсюда и название журнала "Червовый гудок".

Думается, не обошлось без умысла и предложенное Гамовым название теории большого взрыва — Big Bang.

Общеизвестен факт оригинального изобретения Гамовым научно-го термина URCA-процесс.

Исследуя роль нейтрино в процессе остывания звезд и разработав модель механизма потери звездами тепловой энергии за счет уноса нейтрино, Гамов назвал это явление URCA-процесс. Западные физики сразу же уловили в этом термине намек на название известного в Рио-де-Жанейро "Казино-де-Урка" — намек на постепенное выкачивание денег из карманов посетителей игорного дома.

Ну, а одесские физики расценили это немного иначе — опять же, как исчезновение денег из карманов — "урок". В дальнейшем физики сочли для себя "за честь" продолжить традиции ученого-юмориста. Много лет спустя были изучены две разновидности URCA-процесса, которые были названы MURCA-процесс и URCA-процесс.

Георгий Антонович Гамов родился в Одессе, провел детство и юность в Одессе, учился в Одессе и, несомненно, является гражданином Одессы. "Если бы Георгий Гамов не родился в Одессе, он бы никогда не стал тем Гамовым, которого мы знаем", — сказал Юрий Гамов.

Работы ученого универсальных дарований Георгия Гамова, одессита по рождению, петербуржца по физическому образованию, русского по происхождению и культуры принадлежат сегодня мировой науке, всему человечеству. У Георгия Гамова была счастливая научная судьба — все его революционные научные идеи и фундаментальные научные разработки оказались верными и служат в XXI веке.

В честь 100-летия со дня его рождения 2004 год объявлен ЮНЕСКО "Международным годом Гамова". В Одессе прошла Международная научная Гамовская конференция, посвященная вопросам астрофизики и космологии. В работе конференции приняли участие ученые из 20 стран мира.

В городе установлены мемориальные доски на здании университета, где учился Гамов, и доме, в котором родился и жил ученый, а также мемориальный знак в сквере его имени. Именем Гамова назван кратер на Луне.

В честь впервые в мире разработанной Георгием Гамовым теории генетического кода Европейским интерклубом ДОМ ДЕРИБАСА (штаб-квартира — Берлин) в рамках международной Дерибасовской премии учреждена номинация "Одесские генетические корни". Дерибасовская премия посмертно присуждена Георгию Гамову.

Александр МАНИОВИЧ.
Берлин, июль 2004 г.

Мария ГУДЫМА НА ЯЗЫКЕ ПРЕДКОВ — ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И НЕ ТОЛЬКО

Двенадцать лет существования в нашем городе Одесского областного грузинского национально-культурного общества "Сакартвело" отмечены значительными достижениями. И одним из наибольших, безусловно, является организация грузинской воскресной школы. Систематически посвящают свои выходные дни работе с детьми директор школы и преподаватель музыки Лия Георгиевна Чибалашвили, преподаватели грузинского языка и истории Русудан Росафоновна Чиквинидзе и Марина Жоржиевна Сордия, преподаватель хореографии Лия Анзоровна Чикваидзе.



Чтобы маленькие грузины не забывали родной язык, мелодии песен и ритмы танцев своей далекой родины, педагоги самоотверженно работают на общественных началах, при этом проводят экскурсии, дни открытых дверей, встречи с интересными людьми. Это тот случай, когда работа в радость, и отсутствие материального вознаграждения никого не смущает. Может быть, в домашнем кругу дети без проблем выучатся петь вечно прекрасные песни "Сулико" и "Тбилисо", но насколько интереснее исполнять их хором... Ребята участвуют в концертах, уровень подготовки вполне позволяет им это делать. Особенно трогательно, когда в программе наряду с грузинскими стихотворениями звучат украинские — наше произношение кажется легким тому, кто освоил всю прихотливую фонетику карпильского наречия!

Питомцы воскресной школы нередко демонстрируют успехи на концертных выступлениях у себя в школе и во Всеукраинском болгарском центре. И есть чем гордиться. И все ученики для своих педагогов — самые талантливые и самые любимые. Грустно, что пришлось расставаться с Мамукой и Саломэ Читанава, их семья недавно в полном составе возвратилась в Грузию. В последних концертных программах обаятельный Мамука солировал в ряде танцев, в хоровой игре "Джансуло", а его маленькая сестричка Саломэ исполняла песенки о дожде и котенке, специально написанные для нее студенткой музыкальной академии, будущим композитором Асмат Чибалашвили.

В процессе обучения ярко проявляются способности воспитанников воскресной школы. Прекрасный голос Тины Чиквинидзе

позволяет ей солировать в сложных вокальных номерах на музыку грузинских композиторов. Лаша Кваташидзе любит танцевать, а еще у мальчишки замечательное чувство юмора. В сценке "Лиса и птичка" он исполняет роль героя Теды, защищающего птичку и ее птенчиков от хитрой и прожорливой лисы — Натии Сордия. Хореографическая миниатюра "Хевсурская баллада" позволила ярко раскрыться Кристине и Дато Гегенава. Все они хороши по-своему — Лика, Герман, Татия, другие, всех не перечислить. Кроме знаний языка, навыков чтецов, певцов и танцоров дети получают традиционное кавказское воспитание в духе уважения к старшим, к национальной культуре с ее очень высоким пониманием идеалов патриотизма, добра, дружбы.

На одном из концертов воспитанников воскресной школы присутствовал знаменитый поэт Рауль Чилачава, чьи стихотворные строки "Без Грузии — платан я без коринья, без Украины — ясен я без кроны" стали уже хрестоматийными. Эссе писателя о Давиде Гурамишвили, Тарасе Шевченко, Акакии Церетели, Лесе Украинке и Анне Каландадзе свидетельствуют о феноменальном знании двух родных для него литератур, грузинской и украинской. Сегодня Рауль Чилачава — доктор филологии, профессор, академик Академии национальных и социальных отношений Грузии, заместитель председателя Госкомитета Украины по делам национальностей и миграции, автор более семидесяти книг, сре-

ди которых сборники поэзии на грузинском и украинском языках, переводы, публицистика и научные исследования. Два своих новых сборника поэт подарил воскресной школе, растрогавшись литературной композицией, включавшей и его стихи.

Приятно удивило гостя и выступление детского ансамбля флейтистов "Серебряные флейты", в составе которого две грузинские девочки, а все остальные — украинские ребята, очень талантливо исполняющие музыку композиторов Грузии.

После месячного перерыва на каникулы воскресная школа продолжила свою благотворную деятельность. Кстати, она была бы немислимой без поддержки Рубена Вартамовича Гулиева, генерального директора АПО "Одессавинпром", предоставившего просторное помещение с концертной эстрадой и фортепиано для занятий. Очень важно для педагогов и детей неравнодушное участие в их жизни заместителя председателя национального-культурного общества "Сакартвело" Годедзиди Геннадьевича Капанадзе. Когда он в зале, стыдно шалить и пересмеиваться на сцене, все подтягиваются! В начале учебного года в школу пришли новые малыши, которых приняли очень заботливо, без излишней требовательности, делая обучение увлекательной игрой. А еще через некоторое время разговор о школе придется продолжить — повод наверняка отыщется...

Фото Юрия Горлова.

Ирина ДЕНИСОВА МИСТЕР — БУДУЩИЙ МИНИСТР?..

В Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова студентам скучать не приходится ни на лекциях, ни в свободное от учебы время. Взять хотя бы то, что конкурс на звание "первого мистера академии" прошел здесь уже дважды, и при большом ажиотаже зрителей и участников.

"Развлекаются, — добродушно проворчит иной преподаватель. — Об учебе бы больше думали". В самом деле, учиться в академии, ничего не попишешь, сложно; да и где вы видели технические "легкие" вузы? Тем более для первокурсников в преддверии их первой в жизни студенческой сессии.

Но разве одно другому мешает? Ну просто никак, наоборот даже, уверяет меня руководитель отдела социально-психологической работы Лилия Чарная. Чем напряженней занятия у студентов, тем больше они нуждаются в полноценном отдыхе и досуге. Его организацией и занимаются специалисты отдела, который вместе с центром гуманитарного образования и развития студентов органически вошел в систему воспитательной работы академии.

А то, что ребята желают заявить о себе, стремятся к победам (над собственной застенчивостью, к примеру), — так это просто необходимые в наши дни качества. Сегодня — "мистер", который учится планомерно распределять свое время, чтобы его и на дело, и "на потеху" хватало, а завтра, глядишь — и министр.

Начиналась эта работа больше десяти лет назад. К традиционным Дню факультета, КВНам, без которых немислим ни один вуз, Дню академии добавились в последние годы конкурс интеллекта и красоты "Звезда академии", "Романтическая пара", брей-ринг и другие вариации соревнований интеллектуалов. Многие одесситы знакомы со

здешней КВНовской командой "ОНАС", для которой вуз делает все возможное и невозможное, чтобы та участвовала в различных соревнованиях (Кубок мэра, Ровно, Донецк — лишь начало этого перечня). Кроме сборной, представляющей Одесскую академию связи на солидном уровне, на каждом из пяти факультетов есть своя команда КВН, так что попробовать себя в роли веселых и находчивых может любой желающий. Задействованы в процессе подготовки вузовских праздников все — от ректора и проректора по научной и воспитательной работе до участников самодеятельности. Руководитель академии, профессор Петр Воробийченко, по словам методиста центра Валентины Никитиной, участвует на равных — если надо, споет, станцует, поможет подобрать строчку в сценарии. И это при всех заботах администратора, результаты которых — налицо, в том числе и на конкурсах, победители которых становятся обладателями ценных призов, таких, как музыкальный центр, например.

Еженедельно в академии проводятся лекции, организуются посещения музеев, театров. Когда еще как не в студенческие годы доступно это больше всего? Но не любое учебное заведение уделяет столько внимания организации свободного времени молодых людей. В каждом общежитии действует студсовет, при каждом деканате есть две штатные единицы — куратора и координатора по воспитательной работе. Для этого актива ежемесячно действует семинар, на котором совместно решаются вопросы практической помощи в воспитательной работе со студентами. Активно работает в академии и центр психологической помощи. Здесь рассматривают проблемы, которые зачастую решит только профессиональ-

ный психолог, а поводов — предостаточно. Например, связанные с периодом адаптации в городе (большая масса студентов, как в любом вузе, — иногородние) или с проживанием в общежитии. Кто поможет юному человеку — еще не взрослому, но уже и не ребенку — сделать выводы из непростой ситуации, возможной в общении с ровесниками? К примеру, когда навязчиво предлагают закурить или уколиться, чтобы "поддержать компанию"? А с преподавателями, которые, по мнению некоторых студентов, слишком придирчиво оценивают их уровень подготовки, — ведь "в школе учительница говорила, что я математику лучше всех знаю..."

Бывает, студент считает, что не нашел применения своим способностям. На этот случай к его услугам, кроме прочего — информационно-развлекательная газета академии "Импульс", где редакторы, авторы и издатели опять же — сами студенты. Хочешь дизайнером быть — милости просим; желаешь о смысле жизни поразмышлять — пиши на здоровье, пусть и другие прочтут о твоих взглядах; преподавателя поучить желаешь — найди для этого интересную форму, он с удовольствием прочтет твои замечания!

Я с интересом листаю один из таких номеров. Мне предложили его с

извинительными оговорками — мол, старый состав студенческой редакции окончил в прошлом году учебу, выпуск делали новички, это практически их первый опыт... Но ничего, первый блин вышел у них не особенно комом. Пишут о себе, для себя и друг для друга. "На первом курсе учиться тяжело первые несколько лет, потом будет легче!"; "Много зарабатываю, но мало получаю"; "Иногда так хочется послать наше правительство навстречу пожеланиям трудящихся!"... А вот еще одно глубокомысленное замечание: "Незнание закона не освобождает от ответственности. Знание — запросто!". Любопытна страничка "Геймер по жизни. Как сдать сессию по законам жанра компьютерных игр". Тут, если вы не представитель компьютерного поколения, просто не разберетесь, а это, оказывается, руководство по сдаче сессии, если ты к ней не готов абсолютно. Впрочем, преподавателей провести трудно, да и себе дороже.

Что особенно интересно, коллектив студенческой редакции (впрочем, как и беседовавшие со мной сотрудники академии) считает своей главной целью помочь студентам-связистам получить психологическую разгрузку между парами и найти достойный выход из трудных положений.



Юные "мисс" вполне под стать "мистерам"

СЕКРЕТЫ ОДЕССКОЙ КУХНИ

С февраля 2001 г. организован Клуб "Одесса — ZONTA", входящий во Всемирный международный клуб "ZONTA INTERNATIONAL": неполитическое добровольное общественное движение женщин, существующее на планете с 1938 г., объединяющее женщин более чем 70-ти стран мира. Официально "Одесса — ZONTA" зарегистрирован в Чикаго в январе 2002 г.

Знак "ZONTA" символизирует понятие — "Честный, надежный друг", означает группу единомышленников, успешных деловых женщин, высокопрофессиональных в своем деле, исполнительных и энергичных, которые вдохновенно преданы служению человечеству, идее всеобщего взаимопонимания с честными, добропорядочными, заслуживающими доверия мотивами.

Членами Клуба в Одессе являются более 20-ти человек, среди которых Ольга Лобановская — финансовый директор Международной судоходной компании "Укрферри"; Жанна Белоусова, президент Международной туристической компании "Юджиния Тревелл"; Инна Бордюжевич, доцент кафедры акушерства и гинекологии Одесского государственного медицинского университета; Виктория Данава, директор коммерческой фирмы "Варион"; Ирина Галина, президент Института реабилитации детей им. Яна Корчака; Наталия Чайчук, общественный деятель, и др.

Председатель клуба "Одесса — ZONTA" — Лидия Голубенко, декан факультета романо-германской филологии Одесского национального университета.

В активе клуба финансовая и материальная — имущественная — помощь по восстановлению Мемориального дома-музея академика В.П. Филатова, проведение благотворительной Рождественской программы для детей — инвалидов реабилитационного центра, детей-инвалидов.

В рамках сложившихся международных связей в период участия в Конференции Польша-Краков организована выставка польского художника К. Бережницкого из коллекции художественного музея гор. Сопота в помещении Одесского художественного музея.

"Одесса — ZONTA" принимала в Одессе представителей из Франции, США, Германии, Польши. Члены одесского клуба участвовали в работе международных конференций в Нью-Йорке, Варшаве, Берлине, Ужгороде, Львове. Через международные представительства женщины клуба оказали финансовую поддержку пострадавшим от цунами в Индии.

Распространяя возможности самореализации для женщин и девушек по месту их проживания, члены клуба "Одесса — ZONTA" Виктория Данава и Галина Лазарева осуществили проект по изданию книги "Секреты одесской кухни" в подарочном оформлении с иллюстрациями великого француза Гюстава Доре.

Секреты многонациональной Одесской кухни — города, называвшегося когда-то Маленьким Парижем, рецептура блюд, которым позавидовал бы Гаргантюа, собрана и апробирована Мартой Поповой, родоначальницей одной из семей одесских рестораторов — представлена в этой, способной удовлетворить самые различные вкусы, книге.

Одесса — это не только театры, музеи, корабли. Одесса — это одесситы с их юмором, скептицизмом, иронией и умением убажить "синенькими" друзей, гостей, своих детей и самих себя.

Сколь многих по-настоящему великих людей дала миру Одесса, сколь многих воспитала она, переплетая за два с лишним века своего существования нравы, обычаи, вкусы всех разных населивших ее народов, создав при этом то, что называется "одесская кухня", — по-украински сытную, по-еврейски обильную, как у турков и болгар — острую; изысканную и тонкую, как у французов.

Книга вышла в издательстве "Друк" в 2004 г. тиражом 5 тыс. экз. Оригинал-макет и дизайн выполнен известным мастером Владимиром Миненко.

Галина ЛАЗАРЕВА.

Летом 1889 года труппа артистов московского Малого театра ехала из Мариуполя в Одессу на гастроли. На одном пароходе с ними оказался литератор Петр Алексеевич Сергеевко, которого беспокоили тяжелые переживания товарища по Таганрогской гимназии, Антона Чехова, связанные с утратой им своего любимого брата Николая. И поэтому Петр, желая хоть как-то облегчить его положение, подал мысль артистам предложить Антону Павловичу приехать в Одессу, где он никогда не бывал, и тем самым отвлесть его от нервного потрясения.

О Чехове уже тогда много говорили как об интересном литературном таланте.

Александр Павлович Ленский, артист театра, знаменитый Гамлет, Дон Жуан и Сюзеллиан (Сюзеллиан — герой комедии Мелевила "Герой и предрассудок". — Авт.), очень любивший Антона Павловича, не только поддержал Сергеевко, но и загорелся желанием сделать все, чтобы Чехов приехал на встречу с труппой на юг. Немедленно была отправлена депеша Чехову, и вскоре было получено сообщение о его приезде.

Артисты Малого театра бывали во многих крупных городах России — Тифлисе, Одессе, Варшаве, Киеве, в волжских городах. Особенно, по выражению одной из актрис, они "любили посещать Одессу, тогда еще красивую благодаря городскому голому Маразли", который много заботился о культурных учреждениях города, "где был чудный большой театр и море, и где публика их хорошо принимала".

Поездки труппы были нелегкими. Частенько города менялись каждый день. Переезды, репетиции, укладка и разборка костюмов, а по вечерам спектакли изматывали их до предела. И поэтому они были счастливы, когда добирались до Одессы и до морских купаний. Здесь у них бывал относительный отдых.

Как-то выдался денек, полный свободы, и всей компанией они отправились на Большой Фонтан. Вдруг откуда ни возьмись показался молодой человек, стройный, изящный, с приятным лицом и небольшой пушистой бородкой. Одет он был в серый костюм, на голове "пирожок", красивый галстук. В общем, элегантный молодой человек. И... о ужас!!! В руках он держит бумажный фунтик и... грызет семечки. (Настоящая привычка южан.)

— Это Чехов! — воскликнул кто-то. Все в недоумении: Чехов??! Грызет семечки? Звезда... Литератор... с фунтиком!

Ленский позвал его: — Антон Павлович, идите сюда. Позвольте вас представить нашей артистке Клеопатре Александровне Каратыгиной, которая не верит, что вы Чехов, потому что вы грызете семечки.

Чехов живо подошел и раскланялся: — Я самый и есть. Выписан сюда на гастроли. Не угодно ли? — и предлагает ей семечки.

Уже почти стемнело, когда вся компания уселась на извозчиков, и писатель всю дорогу убеждал артистку Клеопатру погрызть ненавистные ей семечки.

Это было в первый день первого приезда Чехова в Одессу, 5 июля 1889 года.

Вернувшись с Большого Фонтана в город, в "Северную гостиницу", которая находилась в Театральном переулке, 10, всей компанией пошли ужинать. Антон Павлович был мил и прост и пленил всех своим юмором.

Отдых у артистов был обычно после спектакля, когда они могли собраться попить чайку, поесть и поболтать вдосталь. Сборным пунктом всегда был гостиничный номер 48 на четвертом этаже. Собирались обычно А.П. Ленский, О.А. Правдин, И.Н. Греков, М.Ф. Багров — все они были с женами, а также К.А. Каратыгина, Г.А. Панова, Е.П. Александрова.

Однажды у Клеопатры Александровны, которая жила под самой крышей, молодежь театра блаженствовала после спектакля за самоварчиком. Раздался стук в дверь, и на приглашение войти в приотворенную дверь вползло белое длинное узкое "полено".

— Кто там? — Это мы, — и в дверь вошел держащий в руках это "полено", оказав-

шееся длиннейшей белой французской булкой, длинный и худой мужчина с черной головой, а за ним Антон Павлович Чехов.

— Ради бога, простите, не гоните и напоите чайком. Вот это хлеб-соль, это дыня, и это Сергеевко! Мужчина смиренный, но курящий. Разоружайся! — обратился он к своему попутчику, который стоял с булкой, как солдат с ружьем.

Поднялась суматоха. Комната небольшая, стол тоже, а булка длинная. Пришлось разрезать ее на три части, подстелив на сундук газеты. Потребовали еще стаканов. И их принес старый театральный лакей Михайло, несмотря на позднее время одетый во фрак и белые нитяные перчатки.

Чехов начал извиняться за несвоевременное посещение.

— Подумать только, выписали меня ваши управляющие с тем чтобы меня развлекать, а придешь к ним,

сидят раздетые, едят и считают, и пишут. Считают и едят. Щелканье счетов, табак... У вас, слышу, смех, жизнь даже после усталости от спектакля. Думаю, сунусь, авось приютят.

Ну и, конечно, приютили. С этого дня и пошло у них с чаепитием такое веселье и смех, какие мог творить только Чехов. И эти веселые вечера скоро получили кличку: "Чаепития с диалогами Антония и Клеопатры" (Чехова и Каратыгиной).

Никто и предполагать не мог, что этот жизнерадостный человек, умевший благодаря своему сверкающему юмору заставлять окружающих забывать все невзгоды, в то время как сам был уже обречен.

Сергеевко, необыкновенно тихий, спокойный, даже чересчур, был полным контрастом всегда подвижному и оживленному Чехову. Он почти никогда не расставался с Чеховым, и поэтому их прозвали "молодой дуб и павлика".

Чехов слышал, что Каратыгина исколесила уже всю Сибирь и Сахалин, и на своей книге "Рассказы", выпущенной в Санкт-Петербурге в 1888 году, сделал дарственную надпись: "Великой Артистке Земли Русской".

Каратыгина была в недоумении.

— Что за надпись? Зачем издеваетесь? Никому нельзя будет похвастать вашим подарком, будут смеяться.

— А зачем вы называете меня рядным литератором? Будут смеяться? А пускай покатаются с вами и по-вашему, да потом и смеются.

Чехов и в письмах величал ее "Великой Артисткой Земли Русской".

Как-то Антон Павлович застал Клеопатру Александровну в слезах: ее заставляют исполнять роль Смерти в "Дон Жуане", а она не хочет играть такую роль. Чехов выслушал ее и серьезно сказал:

— Мадам, вы знаете, я доктор. Дайте мне листок бумаги, — он что-то написал и вернул ей листок. — Вот закажите в аптеке и покончите с ними разом.

Она прочла вслух: "Яд для отравления Правдина и Грекова". В номере от смеха задребезжали оконные стекла.

В Одессе Чехов пробыл до 15 июля. Перед отъездом он подарил Каратыгиной свою фотографию с надписью: "На память о 48 номере Северной гостиницы от одесского гастролера. А. Чехов".

Уже много позже как-то в разговоре Клеопатра Александровна спросила Антона Павловича:

— Не рассердитесь, если задам вам вопрос?

Он пошутил:

— Дерзайте, живы останетесь.

В 1890 году Чехов совершил поездку на Сахалин. Он выехал в эту далекую дорогу 21 апреля, а на обратном пути посетил Индию, Цейлон и через Суэцкий канал и Константинополь вернулся в Европу, а 1 декабря того же года прибыл в Одессу.

В период 1890-1900 гг. он совершил несколько поездок за границу, и в 1894 году снова побывал в Одессе.

12 февраля 1901 года Антон Павлович Чехов по пути из Италии в Крым заехал в Одессу. С ним был его давний знакомый, бывший оперный певец московского Большого театра Виктор Сергеевич Миролюбов, который выступал под фамилией Милов. В 1898 году он оставил сцену и стал редактором-издателем ежемесячного литературного и научно-популярного "Журнала для всех", в котором сотрудничали Чехов, Горький,

Андреев, Куприн, Мамин-Сибиряк, В.Р. Ключевский.

В ожидании парохода рейсом на Ялту Чехов и Миролюбов остановились в гостинице "Лондонская" на Приморском бульваре. На следующий день по желанию Антона Павловича повидаться с кем-нибудь из молодых беллетристов Миролюбов отправился разыскивать одесского поэта Александра Митрофановича Федорова и отыскал его в редакции "Одесских новостей".

Федоров, узнав о неожиданном приглашении Чехова, поспешил домой и вбежал возбужденный в комнату, где сидела его жена, Лидия Карловна, с Александром Ивановичем Куприным, который рассказывал о тревоге, не покидавшей его со дня выхода в свет его первой книжки рассказов.

Взволнованный Федоров сообщил неожиданную новость: в Одессе Чехов.

— Лаадно, — недоверчиво протянул Куприн. — Чехов за границей.

— Был, а со вчерашнего дня он здесь. Я у него был, — отвечал Федоров. — Мы вместе гуляли по бульвару, бродили по городу, заходили в магазины, покупали что-то.

— Ужасно как люблю писчебумажные магазины, — говорил он. — Зайдем. Это моя страсть, — посмеивался Антон Павлович. — Люблю бумагу и жаден на нее. А когда письма получаю, всегда чистый листок отрываю и складываю. Хорошо писать на них.

— А нет ли здесь еще кого-нибудь из молодых писателей? — продолжал Антон Павлович.

Федоров назвал Куприна.

— Ну вот, и его приводите с собою.

Куприн упорно отказывался от встречи, опасаясь, что будет чувствовать себя очень неловко, если Чехов уже успел прочитать его первую пробу пера. И чуть позже он добавил:

— Вы посмотрите на мои ботинки. Разве можно в таких ботинках идти к Чехову?

Федоров пообещал по пути к писателю зайти в магазин и купить ему ботинки. Но Куприн категорически отказался.

...Около полуночи они вернулись от Чехова в хорошем веселом настроении, делились впечатлениями.

Куприн был сразу очарован его личностью, обаянием и добротой, исходившей от Чехова.

— Можно ли, взглянув на Чехова, сразу сказать, что это выдающийся человек? — спросил Федоров.

И оба согласились с тем, что даже

после самой короткой беседы с ним по тону речи его, по выражению его глаз, по печальной, но светлой улыбке чувствовалось, что это человек необыкновенный.

Через несколько дней А.М. Федоров со своей женой и сынишкой Витей отправился на извозчике на пристань провожать Чехова в Ялту.

Чехов стоял на палубе в пальто с бархатным воротничком рядом с высоким мужчиной в шубе, Миролюбовым, которого приткие одесские репортеры прозвали "Шлагбаум" за длинную прямую фигуру.

Антон Павлович, прогуливаясь по палубе с семьей Федорова, разговаривал и шутил с трехлетним Витей, а потом спросил Лидию Карловну, почему она оставила сцену, ведь она была актрисой.

Лидия Карловна, задумавшись на минуту, ответила, что причина этому — намерение уехать за границу.

— Вот видите, — вмешался в разговор Александр Митрофанович, — мне хочется на Восток, а ей в Рим.

— Не надо было, батенька, жениться на актрисе. Это такой народ...

На этом Антон Павлович оборвал разговор и улыбнулся этой безобидной шутке.

Впоследствии полученное от него письмо начиналось так:

"Дорогой Александр Митрофанович. Представьте, я женюсь и представьте, на актрисе".

В этот же день на этом же пароходе ехал со своими дрессированными животными в Севастополь Дуров, и Чехов, взяв за ручку Вито, отпавился с ним смотреть зверей. Он, наклоняясь к ребенку, разговаривал с ним и иногда улыбался ласково-трогательной улыбкой. Когда мальчик отошел на минутку и стал заглядывать за борт, Чехов поспешил к нему одновременно с матерью ребенка.

— Бойтесь, чтобы он в море не упал? — обратился к ней Чехов. — А если бы он упал?

— Я бы утонула за ним.

— И я бы тоже бросился, — тихо и спокойно заметил Антон Павлович и, положив руку на плечо мальчика, отворнулся и не сказал больше ни слова.

Этот добрый больной человек, любящий детей, был способен на такой подвиг.

Потом они наблюдали, как несколько человек с самим Дуровым старались ввести на пароход верблюда, а он упрямился и упирался. Пришлось его поднимать лебедкой, а он, беспомощно растопырив длинные ноги, вытянул уродливую, но симпатичную голову с растерянными глазами.

Времени до отхода парохода было еще много, и Чехов пригласил Миролюбова и семью Федорова пить чай. В кают-компанию, куда они пошли, за столиком сидела пара и завтракала: бритый мужчина в клетчатом пальто и такой же кепке, шея которого была обмотана белым фланелевым шарфом, и нарядная дама. Это был знаменитый дрессировщик Владимир Леонидович Дуров со своей женой. Возле них на полу вертелась маленькая простая собачонка. Дуров стал приказывать своей собачонке Заплетайке делать разные шутки.

Антон Павлович понимал, что это представление затеяно дрессировщиком ради мальчика Вити.

— Это все для тебя. Полюбуйся собачонкой.

Чехов был лично знаком с Дуро-

вым еще с 1887 года. Дуров вспоминал, что история его собачонки Каштанки послужила содержанием для известного одноименного рассказа Чехова, написанного писателем с его слов.

Знакомство Федорова с Чеховым произошло за три года до смерти писателя. Сознание тяжелой болезни уже тогда сказывалось в нем. Но даже при этом прежняя шутовская веселость вспыхивала у него веселыми искорками.

В своей записной книжке Федоров сделал запись первого свидания с Чеховым в "Лондонской" гостинице: "Во время разговора Антон Павлович отвернулся от нас, сплюнул мокроту в бумажный фунтик и бросил его в печь".

— Антон Павлович! — прогудел как шмель своей низкой октавой Миролюбов.

Но Чехов, медленно и скорбно ходивший по диагонали комнаты, желая, очевидно, сгладить впечатление от своего кашля, с торжественной серьезностью сказал Миролюбову:

— Прошу обращаться ко мне соответственно моему чину и званию. Я-с почетный академик, значит генерал-с, и потому требую-с величать меня "Ваше превосходительство".

Но тут же, чтобы от его неожиданной шутки не повяло фамильярностью, Чехов, усмехавшийся сквозь усы, продолжал ходить по диагонали гостиничного номера, заложив руки за спину, серьезно обратился к Миролюбову:

— Да, так что вы хотели сказать, Виктор Сергеевич?

— Нет, я так... собственно, я хотел напомнить, что вам время принять лекарство.

— Виктор Сергеевич, аккуратность — достоинство королей, я же доктор, — отшучивался Чехов.

Еще будучи на пароходе, Лидия Карловна заметила, что Антон Павлович харкает кровью, и сердце ее дрогнуло.

Когда кашель утих, Лидия Карловна увидела, как он вынул из кармана носовой платок и сплюнул в него. На платке она заметила алое пятнышко.

Она была полна любви к этому благородному изумительному человеку и писателю, и тут вдруг почувствовала особенную нежность и жалость к больному человеку.

Чехов покинул Одессу 14 февраля. В этот же день вечернее приложение "Одесских новостей" сообщало: "14 февраля 1901 года Куприн и Федоров провожали Чехова, уезжавшего пароходом в Ялту".

Когда пароход отчалил, и лица отъезжающих уже стали неразличимы, семья Федорова двинулась к дому.

Лидия Карловна вспоминала: "Пароход вышел из рейда, стал почти незаметен в тумане, а перед глазами неотступно алело пятнышко на платке". Облик Антона Павловича у Лидии Карловны стоял перед глазами, и она сказала мужу, что с первых же слов его беседы сразу чувствовалось, что это за человек.

— Да ведь и скрипка Страдивариуса узнается не по форме и не по окраске, а по нежности и ясности тона, — ответил Александр Митрофанович.

Антон Павлович умер 2 июля 1904 года в немецком курортном городе Баденвейлере. Похоронили его в Москве, в Новодевичьем монастыре.

Когда-то актриса Клеопатра Александровна Каратыгина спросила Антона Павловича:

— Отчего, скажите, несмотря на то, что в большей части ваших рассказов вы можете мертвого рассмешить, везде у вас звенит какая-то скорбная струна?

Он на мгновение задумался и серьезно ответил:

— А что же на свете веселого, сударыня моя, покажите пальчиком.

Он подвел ее к картине Левитана и любовался живописью.

— Посмотрите, посмотрите какая красота!

А на нее от этой красоты веяло грустью и смертью.

Когда Чехов умер, К.А. Каратыгиной чудился звон скорбных струн и пришли на память его слова: "А что же есть на свете веселого?"

Она взяла цветок с его гроба и прикрепила его к фотографии, что подарил ей А.П. Чехов.

Павел ЦАУДЕР.

ЧЕХОВ В ОДЕССЕ

Люди, братья и сестры!

Не забывайте, что друзья наши меньшие перенимают наши черты характера и привычки. Яркий пример — терьер Кошелка, живущая у легенды одесского джаза Татьяны Боевой, органично перенявшая артистичность поведения и любовь к импровизации.

Наверное, чтобы у наших любимцев было больше хорошего от нас, нужно стараться, чтобы в нас было меньше плохого?

Собаки, братья и сестры!

Оберегайте людей. Помните, что у них нет нюха, и если не привести их на поводке домой, они не найдут дорогу и могут потеряться. Следите за их физической формой: заставляйте бросать на дальность хотя бы легкие предметы вроде мячика и палки.

Детенышей человека лучше воспитывать с детства: тогда из них могут вырасти настоящие друзья.



Фото Дмитрия Зюбрицкого

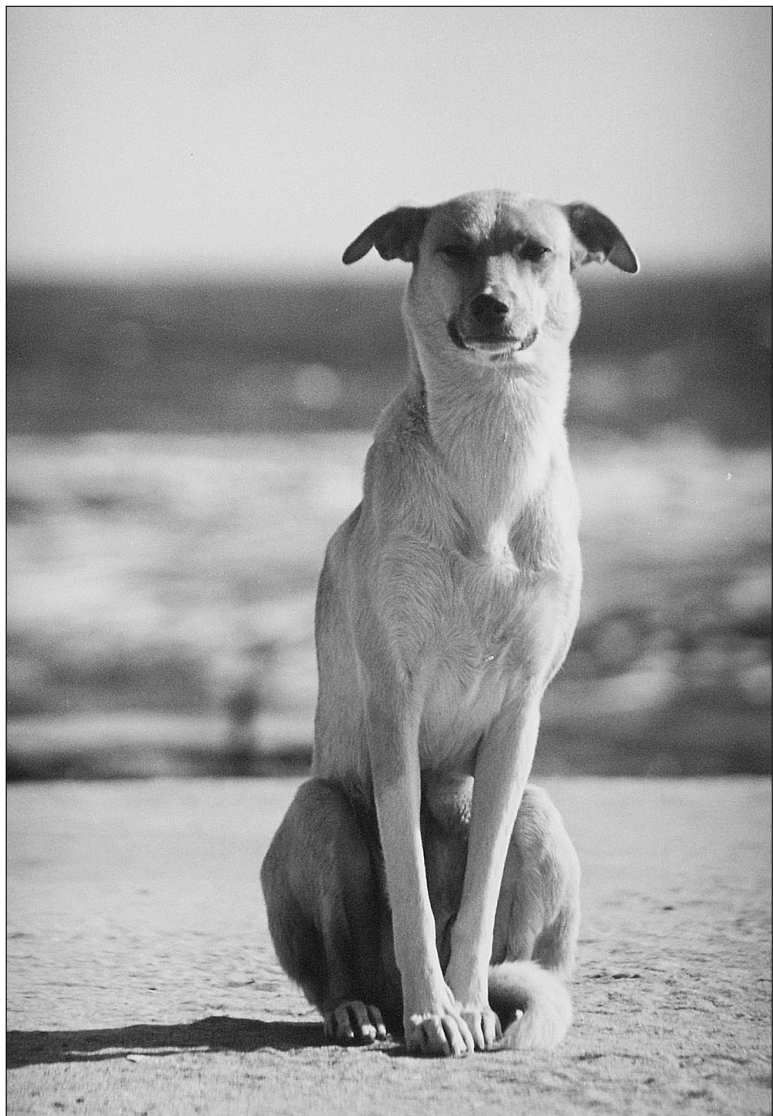


Фото Владимира Мамаева

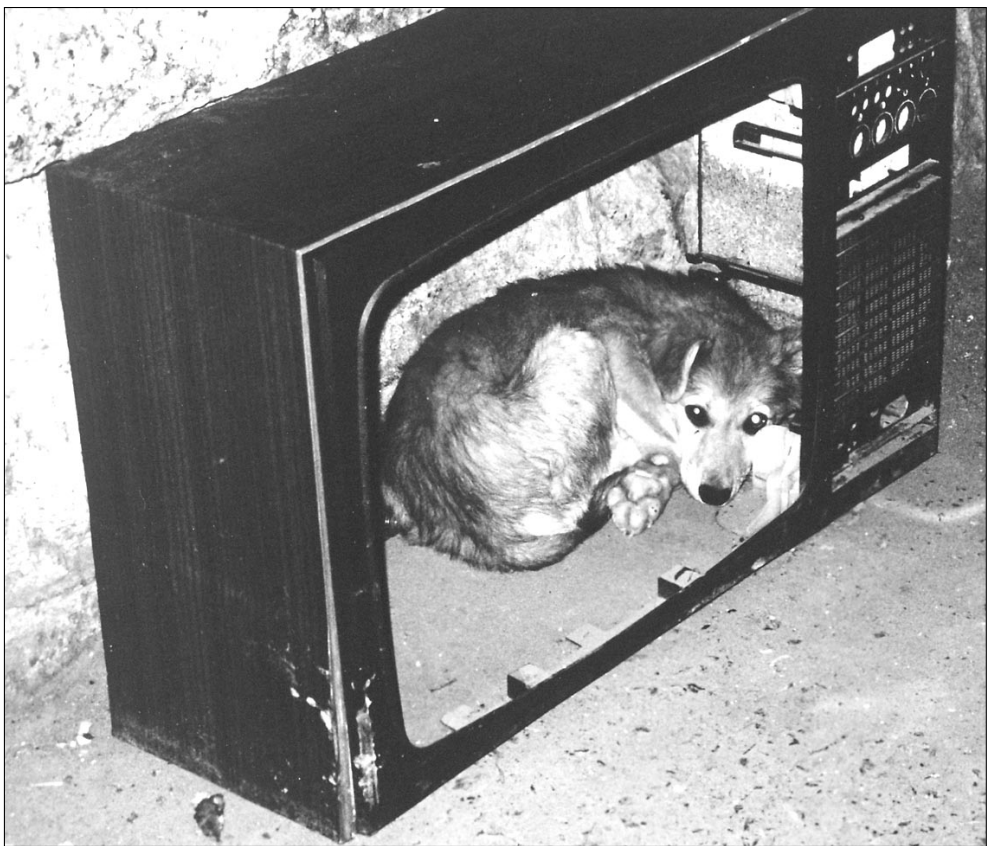


Фото Виктора Сивака



Фото Дмитрия Зюбрицкого



Фото Виталия Оплачко



Фото Александра Синельникова



Фото Александра Синельникова



Фото Владимира Мамаева



Фото Сергея Гевелюка



Фото Сергея Тетенко



Фото Олега Владимировского



Фото Дмитрия Зюбрицкого

Собаки — самые древние помощники и друзья человека. Из дикой природы они последовали за нами и в города. Всегда ли им хорошо рядом с нами? Всегда ли мы не просто их хозяева, а и друзья? Заботясь о них, мы можем стать лучше. Может быть, в этом их предназначение?

**Учредитель проекта Наталья ШТЕРБУЛЬ.
Куратор проекта Сергей ГЕВЕЛЮК.**

ЛОВЕЦ ЛЮДЕЙ

**"...идите за Мною,
и Я сделаю вас
ловцами человеков".**
Мф 4:19

Поздним летним вечером на одесской даче Скроцких между родными сестрами Александрой Ивановой и Клавдией Ивановой велась негромкая беседа о каком-то мужчине. Мне, внуку Александры Ивановны, было тогда, кажется, 11 лет, и я впервые услышал, что говорят о каком-то Николае Алексеевиче Полторацком, человеке около 40 лет, который, видимо, уже был в гостях на даче, но я его не застал.

— Ну, как он тебе, Шура? — с страстием спрашивала мою бабушку Клавдия Ивановна, или Клод, как мы нередко ее называли. Она очень любила рассказывать, как ее второй муж, поэт Пяст, нарек ее Клотильдой Ивановой — отсюда Клод.

Я не помню, что ответила бабушка, но что-то явно одобрительное. Обе улыбались, и разговор долго шелестел, иногда смешиваясь с шумом темнеющего сада. Я засыпал. Если бы я был постарше, то, конечно, понял бы, что обсуждался жених Наты, дочери Клод, и уже были "смотрины". Мнение бабушки среди родственников было очень авторитетным, и Клавдия была удовлетворена.

А позднее началась долгая череда встреч с Николаем Алексеевичем, дядей Колей, а последние более чем 30 лет — просто Колей. И каждая встреча приносила большую радость, непременно меняя что-то, преображая жизнь вокруг всех нас. Впоследствии в некрологе было сказано, что "имя его было одним из самых значительных в духовной и культурной жизни Одессы на протяжении последних десятилетий".

Когда моя милая кузина Анна Николаевна Полторацкая, Анка, попросила меня написать, что я помню о ее покойном отце, я очень обрадовался, но подумал, что в силу своих особенностей и большой любви к этому человеку никогда не смогу быть объективным. То, что я напишу, значимо, прежде всего, для меня самого. Я могу думать о нем только в связи с развитием собственной личности. Отделаться от липкой помехи ощущения собственной значительности при прикосновении к действительно значительному человеку полностью, к сожалению, почти невозможно. Но именно личности, коллекции, гирлянды личностей и составляя Коля, любя каждого человека в отдельности и в связи с его общей человечностью.

Рассказать о Коле — это рассказать о людях во всем их многообразии и одновременно о человеке как таковом. Новый человек для Коли выявлял новую особенность его самого. Он откликался на людей разными сторонами, вмещающая всех, с кем сталкивался. Он был бесконечно многогранен, и каждая новая грань составляла еще одного человека. Я бы сказал, что он умножался, включая в свою судьбу переживания тех, с кем встречался. Без всякого намека на пафос я могу назвать это универсализмом. Но среди этого моря он выделял вехи, он так и говорил иногда о ком-либо: "Вот это не просто интересный (а неинтересных в его понимании я, во всяком случае, не помню) человек. Это ориентир. В жизни нужны вехи, и тогда ты сможешь как-то ориентироваться". Любопытно, что и под вехами он понимал не события, а только людей. Он был не просто верующим, а мудро верующим, служителем церкви, и, вероятно, именно поэтому он воспринимал человека целостно. "Плохой" или "хороший", праведность, грех — эти и подобные им понятия он никогда не употреблял. Он понимал людей как-то иначе и никогда не пытался учить, морализовать. Чаще даже казалось, что, слушая о чем-то "греховном", он скорее сочувствует человеку, ободряет — не так, мол, страшно. Часто утверждается, что людей надо принимать такими, какие они есть. Я почти не видел ис-

полнения этого, но Коле это удавалось без труда. Он мог привести человека к мысли о Боге, не употребляя никаких церковных понятий, разве что некоторые религиозно-философские. О сложнейших вопросах мироздания он легко говорил с человеком любого уровня культуры на понятном для него языке и ничем существенным не жертвовал.

Я бы сказал, что при всей формальной академичности (книги, работа за письменным столом, лекции и тому подобное) его образ был очень романтичен. Интерес практически к любым проявлениям мира при неутолимом следовании одной цели очень напоминал некоторые образы Киплинга, может быть, личность Лоуренса Аравийского. Было, так сказать, романтически методологическое сходство.

В 14-15 лет я увлеклся Джеком Лондоном и читал статьи о его творчестве. Где-то было сказано, что он писал о гигантах, борющихся среди страстей этого мира. Моим близким другом была моя тетя, Наталия Филипповна Стоянова, Ната, которая и стала женой Коли. Я как-то с интересом рассказывал ей о гигантах Лондона, на что она мне ответила: "А ты знаешь, я бы отнесла к таким людям дядю Колю". И вдобавок рассказала, что как многим девушкам, ей нравились спортивные молодые люди, но вот полюбила она человека совершенно другого типа, облик которого без всякого труда перекрыл стандартную привлекательность обычных фигур. Это действительно очень интересно. Отнюдь не будучи суперменом, Коля столь же мало подходил на записного интеллигента. Поэтому я и вспоминал Лоуренса, у которого книжный интеллектуализм постоянно перетекал в военный дипломатический. Окруженный книгами, преподаванием, переводами и т. п., Коля всегда был в действии, всегда был "поступок". Совершенно буквально, в любой момент, он был готов оказаться на вокзале, в аэропорту и т. д., организовать то, что требовало чрезвычайного напряжения и молниеносного движения. При необходимости он почти что с легкостью подвергался риску. Для жизни хирургическим операциям. Но чтобы он ни делал, это всегда было подчинено ясной внутренней цели, которую он старался достичь, пользуясь подходящим удобным способом.

Экспрессы, аэропланы, а в более ранние годы во Франции — велосипеды постоянно расчерчивали его жизнь. Мне казалось, что в нем было

риже. Главной целью пребывания митрополита Николая во Франции было воссоединение с Матерью-Церковью приходов, рассеянных по Европе, и приходов Русской Зарубежной Церкви во Франции. Когда в 1947 году по приглашению Святейшего Патриарха в СССР прибыла делегация Западно-Европейского Экзархата Русской Православной Церкви, Николай Алексеевич был в ее составе, деятельно способствуя развитию послевоенного экуменического движения. Это было особенно важно, потому что тогда Церкви большинства стран участвовали в подготовке I Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Амстердаме, а Московская Патриархия располагала очень незначительными материалами по экуменизму. Это был первый приезд Коли в СССР.

В 1948 году он вернулся окончательно. Об обстоятельствах, предшествовавших его возвращению, сам он пишет так: "Я работал тогда в большом школьном издательстве "Либрари Атье", в которое поступил вскоре после окончания католического института (ЭСЕК), и в то же время безвозмездно исполнял обязанности ответственного секретаря Благочиннического Совета Русской Православной Церкви во Франции, подчинявшегося Московскому Патриархату... После окончания войны я получил приглашение от Московского Патриархата возвратиться в Россию и занять должность переводчика Отдела Внешних Церковных Сношений и совмещать эту работу с преподаванием". В дальнейшем это оказалось преподаванием французского, русского и церковнославянского языков, а также истории Русской Православной Церкви в Одесской духовной семинарии.

Таким образом, все выглядело логично и поступательно спокойно, но Сталин был жив, и живо было все отсюда вытекающее.

Когда Коля окончательно уезжал в Россию, его в аэропорту Парижа провожали с рыданиями. Считалось, что это начало конца. Кошмарные последствия выдачи после Ялтинского соглашения русских, оставшихся разными путями в Европе, становились все более известными. Документально это зафиксировано Николаем Толстым в книге "Жертвы Ялты". Хотя Коля был в числе тех "первых ласточек" русской эмиграции, которые возвращались в Россию в 40-х после войны добровольно и даже "по приглашению", а не под конвоем в эшелонах и на кораблях, риск был огромен. Среди так или

рождении", в мгновение ока оказался на каком-то вокзале в СССР. Человек, привыкший к комфорту, обслуживанию и совершенно иному образу жизни в целом, ("никогда не завязавший себе сам шнурков", как сказал о нем Коля), он невозмутимо попросил одного из знакомых по Парижу, который уже жил в Москве "снять небольшую квартиру; слишком много комнат не надо, так как тамап еще в Париже". Эта записка ходила в определенных кругах тогдашней Москвы как "образец аристократического кренинизма", по веселому замечанию Коли. Однако Любимов, который, как считали, просто обязан был пропасть в совдепии, не только не пропал, но опубликовал в нескольких номерах "Нового мира" интереснейшие мемуары "На чужбине" и успешно занимался переводами вместе с Колей.

Будучи мальчиком лет 13-14, я влюбился в падчерицу Любимова Сильву, мою сверстницу, гостившую тогда в Одессе, и преподнес ей цветы. Любимов, узнав об этом, написал ей, что "профессорский внук дарит ей цветы пук". Был один любопытный эпизод, рассказанный Колей. Однажды в Москве они с Любимовым подошли к киоску купить папиросы. Стояла очередь за пивом, и инвалид на костылях, судя по всему, ветеран недавно кончившейся войны, держа кружку пива, медленно приблизился и внимательно осматривал их иностранную одежду: шляпы, длинные по тогдашней моде двубортные пиджаки и огромные желтые кожаные портфели. Затем он сказал: "Сволочи — лауреаты (то есть лауреаты), американцы, жиды!", вложив в свои слова все самое ненавистное "простому русскому человеку".

Чувство юмора у Коли было развито превосходно при абсолютно не известном ему чувстве обиды. Бердяев в своей "Философии неравенства" писал, что обидчивость специфична именно плебсу — аристократизму она чужда изначально. Коля буквально озадачивал глупопорную пролетарскую интеллигенцию простотой своей дворянской пластики поведения. Он бесцеремонно нарушал формальные правила советского "хорошего тона". Обладая французским шармом, говорил довольно громко, красиво жестиком, смеялся всегда от души, очень характерно потирая руки. Будучи верующим, а не ханжой, однажды рассказал, как некий помещик велел отпевать любимую собаку во время церемонии ее похорон. "Отпевать пса! Каково!" — и залившись хохотом, воздев к небу указательный палец. Коля любил создавать почти детские курьезные ситуации. В троллейбусе, например, он мог Наташе, жене, говорить громовым шепотом, что надо купить билеты, а то может быть стыдно, если придет контролер. Близко стоящие начинали оглядываться, а кондуктор, на которую все было рассчитано, терпела, но, наконец, не выдерживала и требовала показать билеты. Моя тетяшка не знала, злиться или смеяться.

Насколько я сейчас помню, одна из моих первых встреч с Колей состоялась в нашей городской квартире. Я лежал простуженный в кровати, когда в комнату вошел мой дед, как обычно — в наглухо застегнутом френче, который он любил носить дома, в сопровождении мужчины среднего возраста в красивом костюме. Помню, как хорошо ложились брюки на блестящие туфли (у нас не было принято срывать с гостей обувь). Они подошли к моей кровати, улыбающиеся и приветливые. После какого-то короткого разговора со мной Коля спросил, хорошо ли я знаю таблицу умножения, и затем задал конкретный вопрос. Я ответил правильно, но он с лукавым выражением глаз сказал, что я ошибся. Я смутился и тут же согласился. Они оба засмеялись. "Никогда не соглашайся так быстро с тем, что тебе скажут", — посоветовал Коля.

Пожалуй, единственным извест-

ным мне человеком, недолюбливавшим Колю, притом взаимно, что тоже было редким, оказался мой отец. Они с интуитивной точностью не приняли друг друга. Папа, Владимир Николаевич Циммерман, происходил из известной в свое время семьи; прапрадед — профессор энциклопедии законодательства и государственных законов, награжденный высшими орденами империи; в семье были математики, сенаторы, а мой дед — профессор астрономии, работавший в Пулковской обсерватории, умер во время блокады. После смерти моей мамы в 1946 году от неизлечимого тогда туберкулеза отец не видел меня по многу месяцев. Он создал другую семью, и когда я однажды тяжело болел в течение полугода, тоже не приходил, сказав кому-то, что он спокоен, так как Аркадий Иванович, мой дед по матери, педиатр, у которого я жил, меня вылечит. Папа остался для меня почти загадкой. Я знал, что он по профессии геодезист, что, имея во время оккупации аусвайс, нигде толком не работал, но счастливо избежал неприятностей после прихода советских войск. В дальнейшем он почти всю жизнь проработал геодезистом, увлекался художественной фотографией и много читал. Мы не виделись годами, живя в одном городе, а когда я переехал в Ленинград, то и подавно. Незадолго перед его смертью я по странной случайности узнал, что он занимался живописью маслом, и у меня и сейчас висит вид Одессы, написанный им с какой-то высокой точки.

Когда я начал посещать школу, мама была еще жива и любила надписывать свою фамилию на моих школьных тетрадках. Получалось "Циммерман — Скроцкий". После ухода отца и смерти мамы дедушка категорически решил, что я должен быть усвоен, должен стать его сыном. Выглядело это драматично, тем более что он настоял, чтобы я носил и его отчество. Папа был очень задет, был против, но дедушка сумел сделать по-своему. Меня никто не спрашивал, и надо сказать, что это тогда меня мало интересовало. Я привык, что, живя только с бабушкой и бабушкой, естественно, я Скроцкий.

Когда Коля во всем этом разоблачился, он стал со мной особенно нежен. И вот тогда несколько раз неожиданно появился папа. Они холодно познакомились. Странно, но я впервые видел Колю несколько напряженным, более того, он разговаривал с моим отцом формально! Когда в дальнейшем я увиделся с папой, он как-то язвительно отозвался о Коле, чем крайне меня задел, и я ответил ему подростковой колкостью. Сегодня я думаю об отце как о безусловно незаурядном умном человеке, но как-то обидевшим себя самого.

Я всегда плохо учился в учебных заведениях, но всегда был отличником в том, что придумывал для образования себе сам. (О грустной и бесцельной судьбе многих школьных отличников, как, кстати, и самих учителей, я узнал позднее, работая психиатром.) Коля прекрасно понял мои взгляды и мгновенно завоевал мое доверие. Придумав себе собственную систему образования и пользуясь нашей необычайной библиотекой, я все больше стал посещать занятия формально. Начались неприятности. Поскольку отец меня практически не видел, бабушка по болезни из дому не выходила, а дедушка почти не выходил из своей клиники и лекционных аудиторий, не занимаясь моим воспитанием непосредственно, в школу ходила обычно моя няня, жившая в нашей квартире. Однако с возникшей ситуацией она явно не справлялась. Прослышав обо всем этом, Коля немедленно взял все на себя. Бабушка обрадовалась, и мы с Колей отправились в школу. Он в короткое время заипнотизировал учительскую, а потом два-три раза в неделю аккуратно являлся на переговоры по собственной инициативе, нарочито отнимая много времени у моих учителей. Его стали бояться, а меня оставили в покое. Естественно, Коля немало сделал и для того, чтобы я со своей стороны перестал "дразнить гусей". Когда я уже теперь, во время написания этого, поделился своими воспоминаниями с одной близкой знакомой, "ревностно православ-



Н.А. Полторацкий с дочерью и матерью. 1956 г.

что-то от странника, передвигающегося по путям видимым и невидимым от человека к человеку. Самый факт его приезда в СССР в 1948 году имел в основе чрезвычайный риск. То, что об этом известно официально, выглядит обыденно.

В 1945 году, живя в Париже в эмиграции, он организовывал приезд митрополита Крутицкого Николая, прибывшего в Париж по благословению Святейшего Патриарха Алексея I. Николай Алексеевич активно участвовал в этом историческом событии, о чем рассказывал в сборнике "Дни примирения", вышедшем в Па-

иначе возвращавшихся или возвращенных на "родину" погибло немало людей высокой культуры, например, мыслитель Карсавин, живший одно время в пригороде Парижа Кламаре, где жили Бердяев, Цветаева, бывшая соседкой Коли, и многие другие. Погибло немало, но многим повезло. Были даже особые счастливычки, вроде Льва Любимова, друга Коли, журналиста, высланного из Франции самими французами по какому-то политическому недоразумению, каких было тогда очень много. Любимов, обаятельный барин, человек, работавший в Париже в "Воз-

ной", она негодуяще воскликнула: "Ну, конечно же, это иезуитский прием, довести до истерики бедных учителей. Не зря он кончил католический институт". Я подумал: как жаль, что Коля не может это слышать. Он был бы в восторге, хохотал бы, потирая руки.

Войдя в нашу семью, Коля особенно часто приезжал к нам на дачу. Я хорошо помню его на маленькой площадке скалистого выступа, "мысике", как это место назвала мама. Там стояла среди нависающих кустов скамейка, и открывался с большой высоты широчайший горизонт одесского залива. Это было любимое место для беседы, чтения и тому подобного для всех живших на даче и гостей. Много времени проводили здесь мы троим: Ната, Коля и я, ходивший за ними неотвязно (не всегда кстати), потому что не мог не слушать все то, что Коля рассказывал или показывал. Как-то он спросил меня, знаю ли я, как шумят утки, и затем, оттянув пальцами свои щеки, начал их дергать, издавая щелкающие звуки. В беседах он всегда относился ко мне как к равному, совершенно игнорируя тридцатилетнюю разницу в возрасте. Я бы сказал, что он научил меня правильному русскому языку. Хотя в нашей "старорежимной" семье никто не употреблял "большевизмов", но эмигранты, жившие вне даже минимального влияния пролетарского языка, сохранили особенно чистую русскую речь. И дело было не только в словах, построении фраз, но в самом звучании, тембре, дикции, выговаривании слов. Пресловутая левицановщина, например, насквозь пролетарская. На прекрасном языке говорили все те русские, которые возвращались в СССР после советского указа от 14 июня 1946 года, дававшего право гражданства бывшим русским подданным. Поскольку путь очень многих проходил через Одессу, они никогда не миновали Колю, так как практически все были знакомы по Парижу. Многие из них побывали на нашем мысике. Это была настоящая Россия, и я настолько привык к ее жизни, интересам и прогнозам, которые сбывались, как мы теперь знаем, что и прежде нелюбимое, происходившее за пределами дачи и наших квартир, стало для меня совершенно обесмысленным.

Коля жил с матерью и бабушкой, умершей вскоре после их приезда в Россию, в доме, принадлежащем Церкви, в Ильинском подворье на Пушкинской. Его мать, Елена Карловна, неизменно приветливая, глубоко верующая, очень культурная женщина, умела создать обстановку, полностью соответствующую образу жизни сына. Они очень дополняли друг друга. Когда она умерла, мне довелось видеть такую смертельную скорбь у Коли, какую ни до, ни после не пришлось видеть ни у одного человека. И только после ее смерти он поселился с Наташей в одной квартире. А до этого Коля жил с мамой в трех крохотных комнатах, забитых книгами и людьми. Нигде мне не было так уютно, интересно, приветливо. Здесь скрещивались пути государств, личностей, мелькали события, разворачивались грандиозные исторические перспективы, прямые и обратные. Это была своеобразная машина времени, мениппея, авантюрная, временная, но абсолютно всегда основанная на высочайшей истине и неукоснительно к ней приводившая, несмотря на бесчисленные витиеватые завитки, отступления и сомнения, неизбежно свойственные человеку. Коля был кем-то вроде режиссера этого необозримого, несмотря на миниатюрность комнаты, театра.

Коля был очень отточен, хотя это становилось понятным не сразу, скрываясь за внешней мягкостью манер, мимики и некоторой небрежностью в одежде. Есть люди, редко употребляющие спиртное, но чрезвычайно тонко разбирающиеся в винах и знающие технологию их приготовления. Подобно этому Коля, не придавая видимого значения собственному костюму, обладал высокой культурой в умении одеваться и мог с удовольствием говорить об этом. У него всегда были красиво повязаны галстуки. Как-то он сказал мне, что сэр Энтони Иден, первый джентльмен Европы, в свое время считал человека, тратящего менее

часа на завязывание галстука, не достойным уважения. Коля часто делал подобные замечания, высказывания, и часто непросто было понять, что он говорит совершенно серьезно, а что иронически, что действительно надо принять во внимание, а что нелепо. В качестве головного убора он чаще всего носил берет, который, в отличие от шляпы, мужчина не должен снимать при встрече с дамой. Однако Коля неподражаемо грациозным жестом снимал берет, слегка склонившись, целовал даме руку, не делая при этом никакого различия в социальном положении, и затем совершенно незаметно надевал берет. Этому не мог помешать никакой ветер. Естественность и точность его движений были изумительны.

Принимая во внимание частый подтекст, к которому он был склонен в беседах, было особенно важно понимать этот подтекст, когда речь шла о действительно серьезных вещах в философии, политике, истории, наконец, в религии. Я бы сказал, что он, говоря о чем-то, высказывал скорее не явную собственную убежденность, а некое возможное, как бы исходное мнение, которое было, однако, очень интересно и часто касалось малоизвестных фактов, событий, особенно людей. Но высказанное им было таково, что подталкивало слушателя к возможности разнообразной интерпретации, к дальнейшему развитию мысли. Его удивительное равнодушие к социальному различию между людьми основывалось на том, что ему было достаточно видеть перед собой Человека. Мне кажется, что принцип его мирозерцания имел в основе объединение, включенность. Он исходил из общечеловеческого, а не из разнородного. Вероятно, отсюда и экуменизм, и стремление пересмотреть между собой весь род людской. Однажды, когда мне было уже около 50-ти лет, я, будучи в Одессе, беседовал с Колей об одном умном и оригинальном, но малосимпатичном мне человеке, которого я знал, правда, только понаслышке. Коля, уже более чем молодой человек, с чрезвычайной живостью вскочил со стула и сказал: "Немедленно идем к нему, я тебя с ним познакомлю". Он тут же схватил пальто и действительно утащил меня, несмотря на мое нежелание. Скрещивать человеческие судьбы было просто его потребностью.

С самого раннего возраста я знал, что живу в обезглавленной стране, наполненной злом. Вокруг меня это знали все. Когда, например, я спросил очень пожилую женщину Акулину Ивановну, кухарку, много лет прожившую в нашей семье, кто такой Сталин, она тут же ответила: "Сталин — это сатана". Постепенно у меня возникло желание куда-нибудь уехать из такой страны. Я постоянно много думал об этом и, разумеется, не мог не посоветоваться об этом с Колей. Он никогда не возражал и не одобрял. Он внимательно слушал и попутно что-нибудь рассказывал на эту тему, но так, что у меня стали возникать большие сомнения. Я спросил однажды его, смогу ли, оказавшись за границей, обратиться за помощью к кому-либо из его многочисленных друзей, и как я смогу доказать, что я именно от него. Понятно, что везти письмо или что-либо подобное было опасно. Коля чуть улыбнулся и сказал, что для подобных случаев есть достаточно много разработанных способов. Но затем он как бы вскользь заметил, что европейцы, как правило, очень хорошие патриоты, и к человеку, бросившему свою Родину, относятся без особого уважения, скорее с жалостью, и вряд ли будут считать его равным себе. Иное дело — белая эмиграция, понятая как историческая трагедия России, когда Запад, Франция в частности, считал, что принимает рыцарей, потерпевших поражение в неравной героической битве. А одиночка, убегающий от трудностей...

В доме, где жил Коля, был подвал, занимаемый какой-то женщиной и обилием ее кошек. Это место называлось "дно". Там можно было встретить кого угодно и что угодно, например, увидеть, как режутся в карты местный дьякон с местным евреем-электриком, милиционером, забавившим на огонек, и еще каким-нибудь бродягой. Однажды владелица

"дна" с большим почтением, как и все, относившаяся к Коле, пришла к нему с предложением посмотреть на одного из ее гостей. Коля немедленно спустился в подвал и увидел седого старика с прекрасной выправкой и гордо посаженной головой, одетого в элегантно потрепанный пиджак, читающего в пенсне французскую газету. Хозяйка, обратившись к нему, сказала: "Вот, я привела вам этого человека!". Гость, бросив на Колю быстрый пронизывающий взгляд, заговорил на превосходном французском. Мгновенно завязалась непринужденная беседа, и Коля сразу предложил этому человеку подняться этажом выше, то есть продолжить беседу у него. Тот легко поднялся, обматывая более заметно потрепанные, чем пиджак, брюки. Не могу быть точно уверенным, но, кажется, его звали граф Остоё-Баньковский. Он был из поляков, прекрасно знал бесчисленные подробности из жизни в Зимнем Дворце, многих конкретных лиц, а также все тонкости православного богослужения и очень увлекательно обо всем этом рассказывал по-русски или по-французски в зависимости от слушателя. Его собственное прошлое время от времени преподносилось им различно. Я несколько раз видел его у Коли, который, слушая его, все время потирал руки и улыбался, — верный признак симпатии и интереса. Мне этот человек еще запомнился тонким знанием вин и необыкновенным кавалерским шармом. Ему нужно было, чтобы его выслушали, нужно было воскресить былое, и он получил в избытке эту психотерапию. Исчез он внезапно, спустя две-три недели. Ситуация была типичной в смысле вхождения человека в мир Коли, который безошибочно видел, кто перед ним и что нужно сделать в каждом отдельном случае, — от простой беседы до хлопот о трудоустройстве.

Сам Коля, конечно, получал особое удовольствие от беседы на французском. Он явно скучал по Парижу и с большим наслаждением слушал, глядя внутрь себя, французские радиостанции, особенно Монте-Карло. Однажды я оставил ему удовольствие. К нам домой систематически приходил парикмахер. Он стриг дедушку, а заодно и меня. Потом, повзрослев, я сам навещал его с этой целью. Его отец был грек, а мать наполовину итальянка, наполовину турчанка. По-русски его звали Николай Георгиевич Христо. Это был гений парикмахерского дела, делавший прически аристократам, а потом известным советским вождям. Он давно осел в Одессе и жил, почти ни с кем не общаясь, многие годы. Когда я привел к нему Колю, представив его как бывшего парижанина, о стрижке сразу забыли оба. Я не ожидал, что Христо так свободно говорит на иностранных языках. Когда мы ушли, Коля признался, что просто поражен тем, что человек десятилетиями не общавшийся с иностранцами, с первой секунды перешел на другой язык без малейшего затруднения. Удовольствие было обоюдным, но потом Христо сказал мне, что, когда он спросил одного клиента в прежние времена, как его стричь, тот лаконично ответил: "Молча", — предыдущий парикмахер был болтлив и испортил ему прическу. Но в данном случае Христо зря волновался — Коля был очень доволен.

Не занимаясь постоянно частными уроками французского, он, тем не менее, иногда с удовольствием обучал языку интересных ему людей. Когда началась эпоха "уплотнения" больших квартир, это коснулось и нашей семьи. Я был уже студентом. Дедушка умер. В двух комнатах: его бывшем кабинете и библиотеке теперь поселился доцент Анатолий Сигизмундович Жардецкий, в прошлом психиатр, переключившийся на онкологию. Он был несколько чудаковат. Приходя в гости в нашу комнату, он часто бывал одет в длинный халат, из-под которого виднелись белые кальсоны. Мы долго философствовали, и он иногда засыпал в моем кресле, а мы с женой гасили свет и ложились спать. Ночью раздавался грохот. Это проснувшийся Жардецкий ошупью пытался найти выход из комнаты. Коля не мог не полюбить такого человека. Встречаясь, они беседовали о чем угодно, и Жардецкий, несмотр-



Н.А. Полторацкий, 1951 г.

я на солидный возраст, страстно увлекся французским языком. Коля приходил к нему дважды в неделю, и по всей нашей квартире разносилась французская речь. Преподавая, Коля, привыкший к лекционной работе, в процессе урока говорил особенно громко, но Жардецкий, входя в азарт, умел его перебить. Со стороны можно было подумать, что они ссорятся на французском языке. Особенно было интересно, когда они разговаривали по телефону. Жардецкий так кричал, что я думаю, Коля на другом конце телефона мог оглохнуть. Жардецкий научился говорить по-французски с поразительной быстротой, хотя с большими ошибками, которые его абсолютно не смущали, и стал своеобразной эпохой для самого Коли, очень его полюбившего как произведение своего искусства. Когда спустя много лет он умер от инфаркта, Коля тяжело переживал его кончину.

Погружение Коли в жизнь русской эмиграции происходило сквозь французскую культуру, которую он очень любил, ощущая ее, что называется, "на кончиках пальцев". Он прямо называл Францию своей второй родиной. Помню, когда мне было 12 лет, он много рассказывал о кардинале Ришелье, и передо мной встал куда более увлекательный образ, чем у Дюма. В сознании Коли все объединилось, никогда не смешиваясь. Мышление отличалось удивительной четкостью. Во всем был порядок, но мысль легко привлекала к обсуждаемой теме любые необходимые сведения, доводы из, казалось бы, несовместимых концепций, событий. Умея любить людей больше и, главное, правильнее, чем многие, он редко употреблял слово "любовь". Однажды он сказал: "Бог для меня, прежде всего, — порядок". В самом деле, разве хаос может нести любовь? Но порядок любви — не внешнее расписание дел или знаний, а способность человека всегда всегда держать в уме многое и многих и в любой момент совершить необходимый поступок, не задумываясь о степени его значительности или опасности. Мне трудно объяснить, почему среди лиц, через жизнь которых долго ли коротко ли, но прошел Коля, — таких, как известная Кузьмина-Караваева (мать Мария), добровольно погибшая в газовой камере вместо другой женщины, Цветаева, в присутствии которой он неизменно чувствовал робость и о которой всегда вспоминал с большой

трогательностью, ее муж, печально известный Сергей Эфрон, с которым Коля, постоянно встречаясь в трамвае из Кламара в Париж, вел длинные беседы о возможности возвращения на Родину, генерал Деникин, Бунин, с появлением которого в гостиную Коля ощутил внезапно наступившую ледяную тишину, и многие другие, особенно значительным в смысле символа оказался образ одного безымянного человека. Возможно, потому что сам Коля, вспоминая о нем, сказал, что видит его "как сейчас", и сказал это с легкой, редкой для него sentimentalной грустью. В его рукописи я прочел описание "исхода" из Парижа при приближении к городу германской армии. "В панике из него бежали все, кто только мог и как только мог. Люди ехали на своих и чужих автомашинах, на автобусах и грузовиках, на повозках, запряженных лошадьми, а то и ослими, на мотоциклах и велосипедах, шли пешком, везя за собой тачки или детские коляски, нагруженные всяким скарбом, который потом им часто приходилось бросать по дороге, родители везли с собой маленьких или даже грудных детей, и все это с риском быть подвергнутыми бомбардировкам по дороге германской и итальянской авиацией". Это он написал. Но есть ненаписанное. Среди этого кошмара неподвижно, подобно статуе, застыл всадник, красиво и бесстрастно возвышаясь над смятенной и шумной толпой. Это был французский офицер, и Коля особенно подробно описал, как был перекинут через плечо белоснежный шарф, показывая это на себе жестом. Офицер олицетворял нечто высшее, непреодолимое. Я тоже, "как сейчас", слышу Колины слова: "Я его навсегда запомнил". А я, в свою очередь, запомнил и тоже, "как сейчас", вижу этого всадника Колиными глазами.

Сам Коля, как известно, оставался в Париже. Он написал: "Париж опустел, но он был все так же прекрасен. Небывалая тишина его улиц, площадей и бульваров стала зловещей. Слышно было, как шелестят листья на кроках деревьев". Это очень знаменательно. Для Коли зловещее вполне могло быть прекрасным. Однажды, вздохнув и улыбувшись, он признался, что умный мерзавец все-таки предпочтительней доброго дурака — в первом случае есть надежда (если в самом деле умен).

(Окончание на 12-й стр.)

ЛОВЕЦ ЛЮДЕЙ

(Окончание. Начало на 10-й стр.)

Среди его послевоенных парижских знакомых попадались действительно многоликие фигуры, о которых он всегда рассказывал с удовольствием. Я помню его описание двух англичан. Лорд Бальфур, любивший приходить к нему в гости, обросший черной бородой, невысокого роста и мешковато одетый. Ему очень нравилось, как готовила Елена Карловна, и, как он говорил, "немецкий порядок в русском доме". После неожиданного исчезновения милорда столь же неожиданно возник в Афинах в облике безупречно выбритого эlegantного джентльмена, любителя тенниса и верховой езды. Английский посол в Греции координировал свои действия в соответствии с направлением его указательного пальца. Другой англичанин, православный, некто отец Варфоломей, огромного роста и тоже с длинной бородой, но со сломанным носом из-за увлечения боксом, ходивший в длинной рясе, что необычно для Франции. Говорил он всегда величественно и о высоких материях, но между делом очень много расспрашивал о России. Узнав, что Коля собирался уезжать в СССР, и предположительно зная о его связях, этот человек просил помочь ему посетить какой-нибудь русский монастырь. Он сказал, что всегда его мечтой было жить в России. Когда я спросил Колю, что он ответил, Коля хитро на меня посмотрел — мне было 15-16 лет — и сказал с деланной печалью: "Я отказал ему, голубчик". Среди оригиналов, которых я лично встречал у Коли, когда уже был студентом, очень выделялся Жорж Каминка, бескорыстный авантюрист, счастливо уцелевший в острых ситуациях германской войны, потом дезертировавший из Иностранного Легиона, прекрасный французский поэт. Свой приезд в Россию он рассматривал как очередное авантурное турне, но заболел тяжелым токсическим психозом и погиб от уремии. Когда Коля навещал его в психиатрическом стационаре, Жорж говорил, что чувствует в себе беса и издает запах серы. Он очень возмущался, что врачи ему не верят, и тогда был особенно возбужден. Коля приноживался и подтверждал его мнение. Жорж тут же успокаивался. С Жоржем связаны воспоминания еще об одном человеке. Национальность его я так и не узнал и помню только имя, Арнольд. Низенький, с громадными ушами, бывший шпион, работавший на русских, разоблаченный Авером, был так неумело выброшен немцами из поезда, что остался живым, хотя и с поврежденным позвоночником. По-русски он говорил громко и кошмарно. Когда они с Жоржем ехали как-то в одесском трамвае, он заорал: "Давай говорит русский, глаз не привлекайт!". Жорж оглянулся и сказал, что лучше по-немецки или по-французски — меньше заметят. Коля, хорошо его знавший, рассказывал, что Арнольд женат на русской чекистке, награжденной дорогим именным оружием.

В послевоенной Франции так же, как и в других странах антигитлеровской коалиции, были места, где короткое время до отправки в СССР содержались русские "жертвы Ялты", которых Сталин требовал "вернуть", и которые под давлением Советов вылавливались местной же полицией. В этом омерзении особенно преуспели англичане, но французы, возможно, из-за галльской импульсивности, хуже выполняли подобные требования. Во французском правительстве неожиданно возник вопрос о существовании на территории свободной Франции лагеря каких-то русских узников, охраняемых пресловутыми чекистами. Был взрыв общественного негодования. Коля подробно и с удовольствием описывал, как, полностью пренебрегая соглашением с Советами, к лагерю было послано воинское подразделение. Колочая провокация была сорвана, а с начальника лагеря французский лейтенант

демонстративно сорвал погоны. Узники успешно разбежались, но продолжали скрываться, так как не знали, чем еще все кончится. Коля прятал многих, укрывая у друзей до того времени, когда все безобразие окончательно прекратилось.

Мне казалось, что Коля как-то иначе, чем мы все, ощущал время. Мгновения для него были столь же значительными — скажем, короткая беседа с генералом Деникиным, как и длительное знакомство и даже дружба, например, с генералом Игнатьевым, или А.Л. Казем-Бек.

Однажды в Петербурге я беседовал с одним солидным военным историком, который возмущался тем, что генерал Игнатьев, будучи военным атташе во Франции в период Первой мировой войны, то ли прикарманил, то ли, что еще хуже, передал Советам два миллиона франков золотом. Когда я, приехав в Одессу, высказал это мнение Коле, он почти закричал: "Да ты с ума сошел!". Долго и близко зная Игнатьева, когда он жил уже в России, а его мать, сестру и брата — еще в Париже, Коля категорически заявил, что передача денег большевикам определялась тем же, чем и призыв Деникина, которого Коля слушал, присутствуя на историческом офицерском собрании в Зале Ваграм. Генерал говорил тогда о необходимости поддержать Красную Армию после нападения немцев на СССР — "политические режимы проходят, Россия остается". Коля считал Игнатьева болезненно честным, высоко нравственным патриотом. Вспоминая о генерале Игнатьеве, он рассказывал, в частности, о его привычках, некоторых — курьезных. Так, он неизменно устраивал серьезные скандалы своим опаздывающим гостям.

Хорошо зная и любя Бердяева, как известно, очень независимого мыслителя и человека, философа Свободы, нередко вступавшего в большие противоречия со многими явлениями в Церкви, критиковавшего епископа Феофана, монархию, тем более — большевиков (Бердяев пророчески заметил, что с коммунизмом не надо бороться — его надо преодолеть), Коля описывал его истинно христианское смирение в повседневной церковной жизни. Здесь он как бы переставал философствовать и становился примерным прихожанином в самом глубоком понимании. Бердяев любил кататься на велосипеде, курить дорогие сигары, а в состоянии "праведного гнева" отлучил на улице тростью нахала, пристававшего к какой-то даме. Но во всех дружеских отношениях он всегда сохранял значительную дистанцию. Если к другому известному мыслителю Льву Шестову Коля всегда мог зайти "на чай" без особого предупреждения и поговорить о чем угодно, то по отношению к Бердяеву так поступить было совершенно невозможно. Сравнивал он их и внешне, считая Бердяева ярким представителем великорусского величия, а Шестова — иудейско-библейского.

Не занимаясь политикой специально, Коля уже с 16 лет настолько погрузился в жизнь русской эмиграции, что постепенно перестал знакомиться с большинством ее политических деятелей. Среди людей, которых он относил к "вехам", был Александр Львович Казем-Бек, который сыграл значительную роль и в моей жизни. Поэтому мне хочется сказать об этом человеке подробнее. В своих воспоминаниях о Казем-Беке Коля, прежде всего, упоминал основные политические движения в русской эмиграции, считая наиболее достойной и уважаемой личностью великого князя Николая Николаевича, стоявшего во главе "право-умеренных". Но, описывая других, в том числе крайних правых монархистов-легитимистов во главе с великим князем Кириллом, к которым, собственно, примыкала и партия, созданная Казем-Бек, — "Союз младороссов", — он обрисовывал сильные, наиболее интеллектуальные и

нравственные стороны, объединявшие их, несмотря на частое неприятие друг друга. Казем-Бек, перс по происхождению, принадлежал к русскому дворянству, был блестяще воспитан и образован и к тому же писал прекрасные акварели. Идеал создания партии возник у Казем-Бека, по мнению Коли, когда "Муссолини в ореоле славы древнего Рима появился как носитель идеалов национального возрождения и примирения, провозгласивший примат государства над политическими партиями путем преодоления классовых борьбы и возвращения к Средневековью для возрождения корпоративной солидарности. И вот тогда-то молодой Казем-Бек, опытный и немножко этими идеями раненый фашизма, в то время еще не дошедшего до расизма и антисемитизма, основал свой "Союз младороссов" с очень русским лицом, вдохновляемый глубиной русской философской мысли и национальными традициями. Эта концепция



Н.А. Полторацкий с автором воспоминаний Ю. Скроцким

истории принадлежала Льву Тихомирову". Попечителем "Союза" стал в. к. Кирилл. "Союз" привлек в свои ряды намного больше людей, чем все остальные движения. В него вступали люди из всех уголков русской диаспоры во всем мире, из всех слоев общества. Коля считал, что дар Казем-Бека состоял в умении заставить полюбить себя, на чем основывался дух добровольной дисциплины. Благородство, полное отсутствие злопамятности и удивительная простота в общении давали основание Коле считать Казем-Бека аристократом не просто по происхождению, но и по духу. Когда возникла необходимость проводить открытые собрания младороссов, это происходило весьма любопытно. Коля описывал безупречный порядок, за которым следили младороссы в рубашках синего цвета, означавшего примирение и сотрудничество национальных и социальных элементов. Появление Казем-Бека приветствовали овациями и вытянутой рукой.

Кроме Казем-Бека Коля был дружен и с другими яркими представителями "Союза". Один из них, инженер Александр Угримов, стал в дальнейшем участником Сопротивления, возглавляя группу, в которую входил и Коля в качестве связного. Быть связным во всем, от экуменизма до оказания помощи в военной ситуации, являлось его сущностью. Он связывал не явления и события, а людей в них. Человек для него всегда был целью, а не способом, инструментом — даже продавец за прилавком. Что может быть более христианским? Угримов, кавалер фран-

цузских наград за борьбу против нацизма, попав в СССР, как и следовало ожидать, был репрессирован. Другой близкий друг Коли, Кирилл Шевич, заведующий финансами "Союза младороссов", в дальнейшем принял монашество и умер, будучи архимандритом, в 1987 году. В течение 40 лет он был настоятелем православного прихода в Ванве во Франции. Еще одним из наиболее ярких представителей младороссов, по мнению Коли, был глава парижского центра "Союза", князь Вл. Красинский, сын в. к. Андрея и балерины Кшесинской.

"Союз младороссов" был светской организацией, но, как считал Коля, прежде всего, руководствовался идеями русских религиозных мыслителей и не отошел от Православной Церкви. Тем не менее, считая для себя невозможным вступать в какую бы то ни было политическую партию, всегда отклонял настойчивые предложения своих друзей вступить в "Союз". Когда германские

он мог разъяренно броситься в атаку. Сильва говорила, что боится, как бы его не убили хулиганы.

Встретившись в Москве у Любимова с приехавшим туда Казем-Бек, Коля увидел несколько иного человека, чем в Париже. Казем-Бек, и прежде верующий, особо почитавший Серафима Саровского как святого, стоящего над всеми национальными перегородками, был, по мнению Коли, православным в самом глубоком смысле. Однако если раньше он был профессиональным политиком, то теперь он видел свое служение России в служении Церкви. Рассказывая об этой встрече, Коля подчеркивал, что считал особенно счастливой судьбу, как свою, так и своего друга, ибо удалось не только избежать репрессий, но и встретиться как единомышленниками в лоне Православной Церкви, работая в одном и том же направлении — направлении экуменизма. Коля откровенно признавал, что это намного больше сблизило его с Казем-Бек, чем жизнь в Париже.

Всегда считая, что, как он говорил, "Господь наш Иисус Христос заповедал нам в Своем Евангелии сохранять единство Церкви", Коля был твердо уверен (в этом нечасто случае именно твердо), что всякий сознательный и добросовестный христианин обязан всеми силами содействовать объединению Церквей. Эту его точку зрения прекрасно знали и высоко ценили, относясь к нему с любовью, Святейший Патриарх Алексей I, Святейший Патриарх Пимен, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим и многие другие близко его знавшие иерархи.

Отдавая должное Казем-Беку, Коля считал, что принципиальные перемены в сближении Римской и Православной Церквей, которые начались в свое время благодаря деятельности митрополита Никодима на посту председателя Отдела Внешних Церковных Сношений, осуществлялись главным образом в результате усилий Казем-Бека, убедившего митрополита в том, "насколько важна роль Ватикана не только с точки зрения чисто религиозной жизни, но и с точки зрения политической и социальной... Эта роль Казем-Бека в сближении наших двух Церквей была высоко оценена Папой Павлом VI, который лично его принял" (Н.А. Полторацкий "Почему я взялся за перо").

Совершенно понятно, что любые действия Церкви, особенно связанные с внешним миром, контролировались советскими секретными службами. Коля, однако, ясно видел, что успех такого контроля только временный, а действия, направленные на утверждение Вселенской Церкви, служат незыблемой Истине, и потому считал, что неизбежные уступки Советам в процессе этих действий более чем оправданы.

Сейчас, когда я пишу это, то вижу образы людей, вошедших через Колю и вместе с ним в сознание друг друга, в том числе и мое собственное. Он — не "человек с тысячами лиц", а тысяча лиц как одно несут на себе отпечаток его участия, интереса и любви, ибо он никогда не был наблюдателем, он был участником. Без малейшего намека на пафос, столь ему чуждый, я думаю, что любая нация может гордиться таким сыном.

Он умер 31 августа 1991 года и похоронен в Одессе в Свято-Успенском монастыре, расположенном на оконечности мыса над морем. Когда-то я услышал легенду о возникновении монастыря и, связав это с жизнью и кончиной Коли, написал стихи, посвященные светлой памяти Николая Алексеевича Полторацкого:

*"Был день когда-то штормовой.
Валило шхуну мокрым свистом.
Осклабясь, мыс за пеной проступал.
Он завлекал, он был неистов...
Обет исполнен, — живы мореходы.
Маяк и рядом монастырь
Над морем поднялись.
И утвердились.
Их знак един — единая обитель.
Обрел ты в ней
свой благодный приют,
Ловец людей, их спутник
и учитель."*

Юрий СКОРОЦКИЙ.
Январь, 2004 год.

В КЛУБЕ ВЕЕТ «ЮЖНЫМ ВЕТРОМ»

Первая персональная выставка художника Натальи Лозы прошла в выставочном зале Всемирного клуба одесситов в ноябре-декабре 2003 года. Она носила название "Крым. Бархатный сезон" и представляла около 30 живописных работ, написанных на южном берегу Крыма. Тогда мы и посетители клуба согрелись в разгар зимы под южным солнцем ярких, красочных работ. Выставка была отмечена положительными откликами в прессе (газеты "Одесский вестник", "Вечерняя Одесса") и на телевидении.

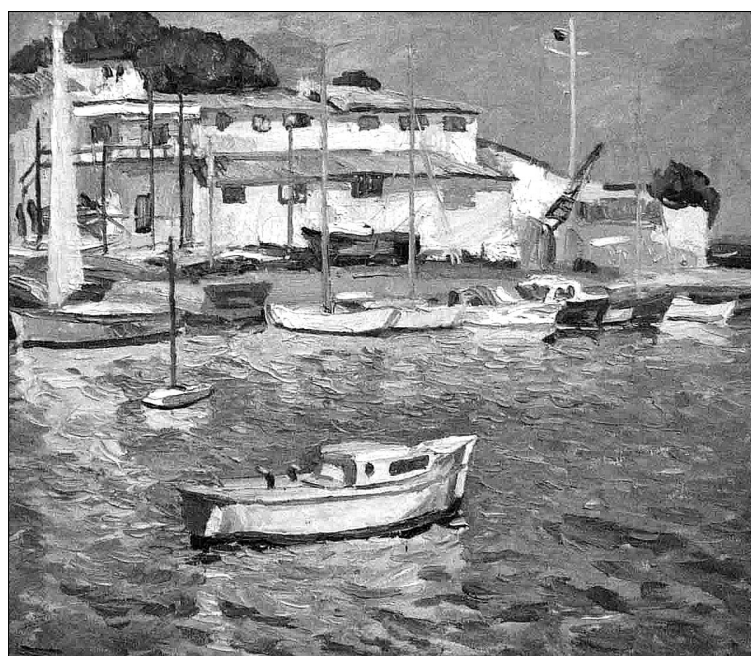
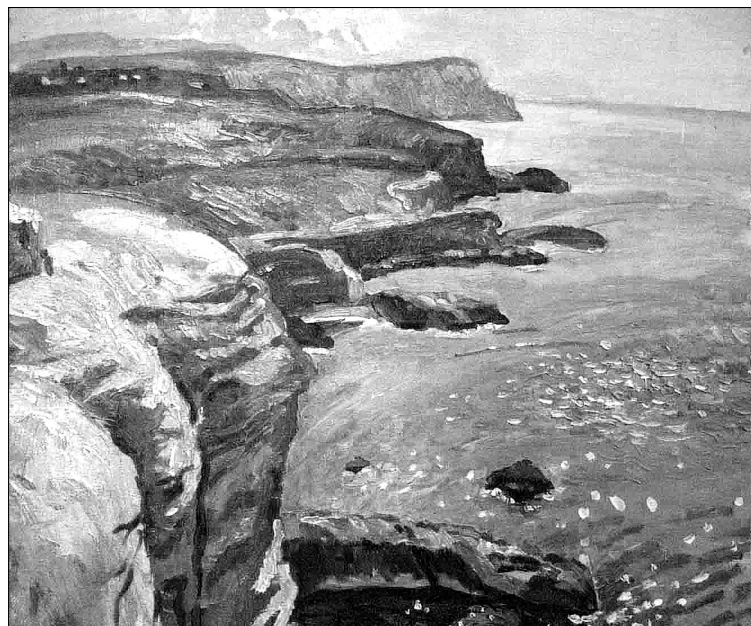
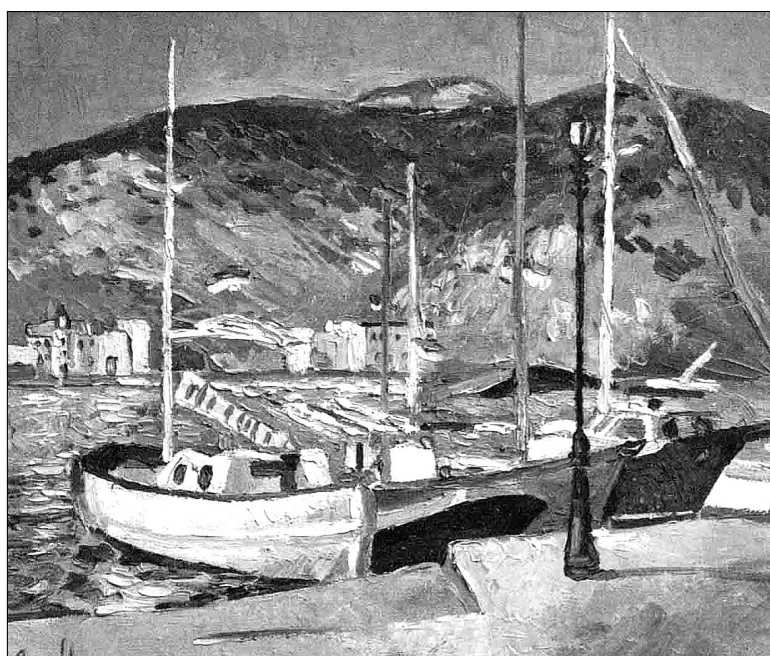
Успех первой выставки стал поводом для приглашения Натальи Лозы вновь экспонироваться в нашем клубе. Выставка получила название "Южный ветер" (так называется одна из представленных работ) и показала, что Наталья не изменила любимому Крыму. Наверное, толчком к такой привязанности стало ее участие в 1998, 1999 и 2000 годах в крымских всеукраинских пленэрах в г. Севастополе, что оказало серьезное влияние на творческий рост художника.

Несмотря на единство тематики, на этот раз были представлены совершенно новые работы. Посетители нынешней выставки во Всемирном клубе одесситов, среди них — коллеги Натальи Адольфовны, искусствоведы, журналисты, — отмечают возросшее мастерство художника, прекрасное ощущение цвета, интересное и смелое композиционное построение. Наталья тяготеет к пейзажу, и он ей вполне подвластен. Приятно, что кроме летнего Крыма Н.А. Лоза представила в нескольких работах и родную Одессу. Мы рады, что эта выставка оказалась творческой удачей художника, подарила радость многим посетителям Всемирного клуба одесситов.

Галина ВЛАДИМИРСКАЯ.



Н.А. Лоза на выставке в Клубе



УЮТ И ОТРАДА РАЙСКОГО САДА, или ПРЕКРАСНЫЕ НЕЗНАКОМКИ НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ

Наталья Николаевна Гончарова, полная тезка супруги великого поэта — одна из наиболее ярких одесских художниц. Вообще-то ее девичья фамилия Похил, а блестящую законченность имя приобрело после замужества. Супруг, также известный в городе художник Василий Гончаров, стал для нее верным и преданным спутником жизни, любящим и понимающим, прекрасным отцом их дочери Маргариты (к ней мы еще вернемся). Именно в мастерской Василия мы и встретились с Натальей. А там стоял мольберт, дымился кофе, и смотрели со стен загадочные незнакомки в экзотических одеяниях, но по большей части "нарядно облаженные", говоря словами Анны Ахматовой. Утонченная красота женщин на этих полотнах вызывает в па-

мяти образы искусства строгого Древнего Египта, роскошного Вавилона и испытавших всю прелесть тяжести их влияния австрийских модернистов. После окончания знаменитой "Грековки" (курс Ореста Шешинского) Наташа работала в русле южнорусской школы живописи, с ее вниманием к повседневности, но, будучи неисправимой фантазеркой, мечтала о чем-то ином. Альбомы Климта, Мухи и Зарецкого, ставшие доступными в начале перестройки, перевернули ее представления о возможностях живописи. Так она начала писать прекрасных женщин, находящихся в плену мечты, играющих с котами и попугайчиками, грациозных балерин и гибких акробатов, роковых карнавалных прелестниц.

Говорят, моделью Наталье Гонча-

ровой служит в первую очередь дочь. Так ли это на самом деле?

— Маргарита действительно очень красивая девушка, — чуть покраснев от законной материнской гордости, подтвердила художница. — У нее огромные глаза, классические черты, но при этом несколько восточный тип лица, она похожа в большей степени на Васю, ведь он родом из Мариуполя, где традиционно селились выходцы из Греции, имеет греческие корни. А греки, в свою очередь, традиционно роднились с турками, да и я, будучи украинкой, как говорят, напоминаю турчанку — наши народы очень много связывает! Маргарите двадцать три года, она окончила художественное училище. На моих полотнах дочь стала появляться лет с шестнадцати. Но я же этого не планировала, все получилось подсознательно. Конечно, я ее очень люблю, и на творчестве это не могло не отразиться. У художников так часто бывает. Например, Коля Прокопенко изображает всегда жену и дочку... Я не работаю с натуры, можно сказать, сочиняю свои картины.

Параллельно с красавицами, уютно и отменно чувствующими себя в цветущих зарослях райского сада, Наталья пишет фантастических животных. Лев, пес, кот в чем-то похожи на настоящих, но все же они чуточку ирреальны, сказочны. Им в саду тоже неплохо, похоже, охотиться совсем не обязательно, отсюда возникает дружба с птицами и бабочками... А вот натюрморты Наташе не интересны, ее фантазии тяжело оторваться от контуров предмета и куда-то взлететь. Правда, в позапрошлом году супруги Гончаровы с группой других одесских живописцев ез-

дили на пленэр в Карпаты, и там наша героиня написала несколько пейзажей с натуры.

— Я сложно представляла себе этот процесс, — улыбается наша героиня. — Но в результате, получив заряд эмоций от пейзажа, я переставала на него смотреть и сосредотачивалась на работе, сочиняя картину. Природа там, в Карпатах, немножко суровая, и мои работы совсем не буквально отображают увиденное.

Да простит меня Бог, но супруга хозяйина мастерской, как, впрочем, и я сама, в душе язычница. Ее манят живительные силы природы, к которой женщины древности были очень близки, умели с ней дружить и пользоваться ее добротой. Все эти хороше и заклинания при луне, пускание венков по воде и прочие таинственные обряды облегчали жизнь наших прабабушек, а мы чем хуже? Аскетизм — это не о Наталье и не о чувственных красавицах с ее картин. Однажды совершенно интуитивно она изобразила птицу, оказавшуюся, по свидетельству знатоков, птицей Сирина, помощницей женщин, чей силуэт украшал прялки и другие предметы обихода, приносимые в мужнин дом в качестве приданого.

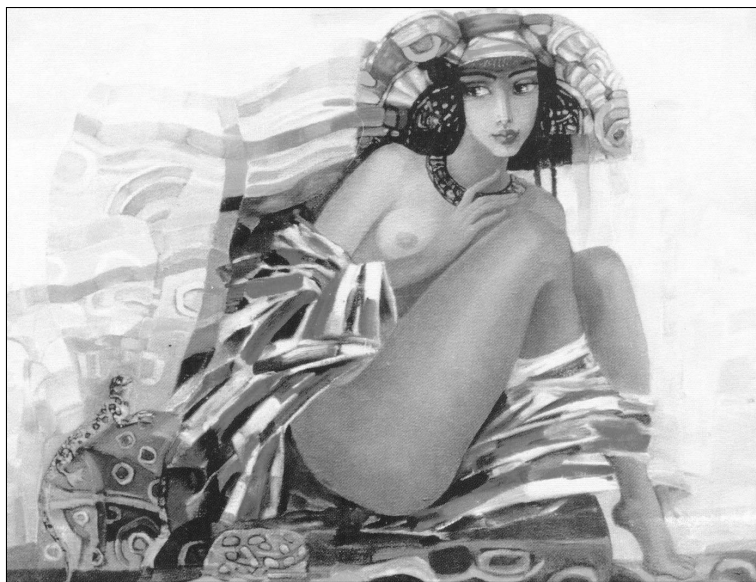
Но мне хочется поговорить с Натальей не только об образах, а еще и о фактуре ее картин — переливчатой, напоминающей местами то инкрустацию перламутром, то флорентийскую мозаику, состоящую из распилов полудрагоценных камней. Художница признается, что любит каждую клеточку своих полотен, выписывает все кистью (мастихин не любит), растирая некоторые мазки подручными плоскими предметами, например, кусочком линейки. А довершает картину лак, придавая ей

законченный, волшебно поблескивающий вид.

Меня удивило, что своим поэтичным работам Наталья Гончарова не придумывает сколько-нибудь вычурные названия. Как оказалось, не любит она этого... Вот разве что картину, изображающую прекрасную велосипедистку (опять-таки похожую на Маргариту) и догоняющего ее веселого домашнего пса Изюма назвала "В лето". А могла бы этого и не делать, смысл и так очевиден — позади облако цветущего мая, впереди обильный ягодами июнь...

"Людская плоть в родстве с листвою", — эту фразу Арсения Тарковского любит произносить, глядя на полотна Натальи Гончаровой, один одесский поэт. А еще он не прочь процитировать по этому поводу Осипа Мандельштама: "Кремня и воздуха язык с прослойкой тьмы, с прослойкой света". Однажды мы с ним заспорили — ему казалось уместным говорить о Натальиной живописи словами Эмиля Бернара, характеризовавшего искусство Поля Сезанна таким образом: "Я назвал бы способ его работы размышлением с кистью в руках". Я же отстаивала совершенно другую точку зрения. Наталья нет нужды размышлять, растекаясь мыслию по древу познания добра и зла. Ее картины обнаруживают женскую мудрость автора, соединенную со способностью чувствовать глубоко и проникновенно. Сама художница говорит о своем творчестве так: "Красоту на самом деле изображать на холсте не так сложно, как кажется, но помогают не навыки, а вдохновение".

Мария ГУДЫМА.



Рита БАЛЬМИНА

Ах, эта свадьба...

На веселой свадьбе Миши Когана, белозубого улыбчивого программиста из Силиконовой долины, и очаровательной Аллочки Беккер — без пяти минут врача-окулиста — в роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года хорошо быть сверстниками жениха и невесты, такими же, как молодожены, раскованными, неприужденными молодыми американскими профессионалами, в которых невозможно заподозрить эмигрантов в первом поколении, потому что привезли их родители в Новый Свет вовремя... Они почти не вспоминают родных мест (там дерево под домом росло и наша Багира прямо по ветке взбиралась домой на второй этаж), радостно дергаются в такт и не в такт музыке (hi, cousin, you look stunning, let's have a drink по рюмашке as grandma likes to say), пьют шампанское, шутят, смеются...

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года хорошо быть женихом — красивым, высоким, успешным брюнетом (они предложили мне очень приличные стартовые, и я поехал: why not? А у Алки там будет просто море пациентов: programmers need oculists... Что-то? — программисты нуждаются в окулистах, дядя Гриша, причем некоторые — остро! Смеется, поднимает невесту, кружит, и если бы левый Гисси не жал, а мама, как всегда, не вмешивалась во все...). Замечательно быть и невестой — невесомым белоснежным облаком с тонкой талией и перламутровым венчиком на белокурой прическе (белое мне всегда шло, потому я и выбрала свою профессию, — смеется), а после трехчасовых стараний очень дорогого визажиста она сегодня может дать фору самой мисс Вселенная.

Хорошо быть одноклассницей невесты, модной фотомоделю Ланой, положившей порочный зеленый глаз на гостя из Кельна — кузена жениха, двухметрового амбала Аркашу, и все время задевающей его в танце то локтем, то коленкой, то длинными малиновыми волосами... (Как редко встречаются мужчины, на которых не

приходится смотреть сверху.) Ну вот, кажется, клонул, красавчик... (I completely broke up with Jackie. He's a gambler and a loser... Do you know how much he lost in Atlantic City? — переходит на шепот, а у невесты округляются глаза.)

На веселой свадьбе белокурой и белоснежной Аллочки Беккер хорошо быть папашей невесты — известным всему Бруклину косметическим дантистом Семеном Беккером, краснотлицым от выпитого, плотным лысеющим живчиком, способным перетанцевать весь этот молодняк; он все танцует и танцует, даже когда сидит и пьет, и жалеет только о том, что не мог позвать сюда свою новенькую ассистентку Зою: приличия он всегда соблюдал, всегда.

В фешенебельном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене неплохо

быть афроамериканской певицей Синтией Грин — маленькая верткая попка, большие перламутровые губы, множество косичек... Она поет почти басом:

*Go, I rather be alone
I'll do fine by myself
I don't like your macho tone
Play alone with yourself,
— дергаясь как на шарнирах... —
They don't bargain with me
Because they know me well...
That's great, Mario,
That you was able to pass
This powder to them.
Now everything will be all right.*

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года: хорошо быть президентом США: захотел — и ввел войска... Он кому хочешь введет ха-ха-ха все что угодно... Но вы же еврей, Фима, Вы должны одобрить... Горько! Горько! Горько! Ни осел, ни слон меня не могут удовлетворить — я проигногирую эти выборы — бенедиктов за это не отбигают... Она открыла бизнес прямо у себя дома — стрижки, маникюр, педикюр, а две тощие нелегалки делают там массаж и, мне кажется, не только — уж больно много пейсатых к ним ходит... Горько! Горько! Горько! Ну, не плачь Джеессика, не плачь, зайка, какой поц дал ребенку горчицу?... Передайте мне осетринку, плиз, фенкью. Он же полный ступет: уже в третий раз не сдал экзамен на гражданство... а я ему: шарап, мазерфакер, фак-офф, а мне эта чернокопая скотина... Горько! Горько! Горько!

Горько быть рыжим таксистом Мариком Черкасским, другом детства невесты, приехавшим в прошлом году из Израйля по выигранной грин-карте и влюбленным в Аллочку с тех давних пор, когда их семьи еще были соседями... Наливая себе очередную стопку водки неуклюжими ворсистыми пальцами (сказывается боевое ранение в декабре 99-го под Дженином), бедняга старается не смотреть на чужую невесту, чтобы не зареветь, как в детстве, когда она сломала его велосипед.

На веселой свадьбе Миши Когана очень тяжело быть его восьмидеся-

тисемилетним дедушкой в кресле на колесах, которому паркинсон мешает наколоть на вилку огурчик и потом попасть им в рот, а альцгеймер каждые пять минут заставляет интересоваться: Роза, это свадьба Эдика? — Нет, Изя, это Мишенькина свадьба,



младшего мальчика нашей Бэллочки, давай помогу тебе разрезать котлетку... И через пять минут снова: Роза, так это Эдик женится? (к слову, любимым внуком — Эдиком — тоже очень тяжело быть: он сидит сейчас в тюрьме в Иллинойсе за махинации с автомобильными страховками и сидеть ему еще восемь лет).

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене трудно быть обслуживающим персоналом (букеты невест, бабочки женихов, лавирование среди молний фотокамер с перегруженными подносами между взятыми на прокат такси, клифтами и вечерними платьями, нетрезво скачущими под хриплые вопли скандальной наркоманки из Бронкса — рутинный ежевечерний конвейер до двух часов ночи).

Плохо быть холодными закусками, горячими блюдами, аперитивами, десертом: официанты меняют тарелки так часто, что рьяные плясуны даже не успевают ничего попробовать, и шедевры кулинарного мастерства отправляются теплыми и нетронутыми в зеленые мусорные баки долго-

вязым и меланхоличным чернокожим посудомойщиком Жаком, печально думающим о невозможности накормить всем этим тех, кто еще живет в маленькой малийской деревушке, где тринадцать лет назад во время засухи умерли с голоду четверо его младших братьев.

На веселой свадьбе — плохо быть банкротом? А тупом лучше? Его пагтерна пгосто застгтелили... Ай-ай, что вы говорите?! — такая приятная женщина, я же только недавно ее видела в "Миллениуме", когда приезжал Жванецкий... У Белоцерковского тоже кансер... Горько! Горько! Горько! Телеграмма от бабушки Берты из Хайфы, от Льва Беккера из Кейптауна, от Баташовых из Сан-Франциско, от Марины из Франкфурта, от Айбиндеров из Монреаля, от Володи Берга из Сиднея, от дяди Арона и тети Наргис из Баку, от Полины и Сережи из Одессы. Горько! Горько! Горько!

А мне свадебное платье Тереза-модистка, соседка с третьего этажа, выкроила из обгоревшего парашюта — а этот парашют она еще при немцах нашла на развалинах нашей улицы... А я потом платье стеклярусом расшила — очень красиво получилось, только фату пришлось клеейкой лентой крепить к голове: волосы-то еще не отросли после тифа... Все соседи пришли — и из нашей коммуналки, и с других этажей — принесли кто что мог к столу, а управдомша, Анна Викторовна, налепила вареники с мороженой кониной... Очень весело было: танцы под патефон до глубокой ночи — девчата, женщины — вальс, танго... У нас с сестрой Лизой, земля ей пухом, была одна пара довоенных туфелек на двоих и, мы по очереди в них плясали, а дедушка твой после контузии-то оглох и все время наступал мне на ноги... Какое необыкновенное было время — война окончилась... победа... и мы так любили друг друга, так любили... дай тебе бог, детка, прожить с Мишей такую же долгую и счастливую жизнь, как мы прожили с Федей, земля ему пухом... Дай вам бог...

Рис. Владимира Шинкаревского.

Александр ДОРОШЕНКО

МЕТАЛЛОБАЗА «ЧАША ГРААЛЯ»

"Заметь, мой верный и преданный оруженосец, как беспросветна ночь, как необычно безмолвие, как глухо и невнятно лепечут листья, как жутко шумит поток... Все эти явления... способны заронить боязнь, страх и ужас в сердце самого Марса... Однако все эти описанные мною ужасы только пробуждают и воспаляют мою отвагу, и мое сердце готово выпрыгнуть из груди — до того жажду я броситься в это приключение, каким бы трудным оно не представлялось. Поэтому подтяни немного подпруги у Росинанта, и да хранит тебя бог!..."

Мигель де Сервантес и Сааведра.
Дон Кихот

На Пересыпи, на траверсе сахарного завода, влево за переезд, в районе Лиманчика, напротив станции очистки (туда свозят отловленных бездомных животных и там совершается братоубийство, если мы всерьез верим, что у нас есть "меньшие братья"), среди островков камышей, густо покрытых пылью разбитых дорог, среди озерных непросыхающих луж, в которых машинное масло разбавлено дождевой водой, расположены всякие базы и склады металлоизделий. К ним, ковыляя по выбоинам дорог и густо разбрызгивая лужи, опасно наклоняясь в сложных местах рельефа, под небом голубым идут грузовые машины за черным металлом — листом, прокатом и бухтами проволоки. (Этот металл не черный — он ржавого цвета, он на самом деле цветной.) Наша цель была обозначена громадными буквами вывески, и размещены эти буквы были на заборе, с каждой стороны от ворот, жирной кистью и густой масляной краской, на которую не поскупились, чтобы во-

дитель мог издали определить в направлении пути:

"Оптовая база металлоизделий и стройматериалов "Чаша Грааля" — всегда широкий выбор!"

Нам нужен был листовой металл. Справа от ворот, во дворе базы, среди растительности, обозначенной чахлами ржавого цвета кустиками, в одноэтажном строении с колонками тосканского, как принято в Городе, ордера по бокам входа находилась контора. Собаки здесь, как и на всех таких базах и складах, многочисленны, связаны родством и умеренно сыты. Их масть определить никак невозможно, от гипсовой пыли, от ржавеющих гор металла, от разговорной бытующей здесь речи они переняли цвет, и он похож на ржавчину, припорошенную пылью. Только щенки еще сохраняют белые и черные пятна... Им, щенкам, весело бегающим вокруг, вселенная представляется только такой — горами металла, бухтами проволоки и арматуры, мешками с цементом и гипсом, натужно ревушими моторами буксующих в лужах масла машин. Языку они учатся у грузчиков. Командует базой и отпускает товар дама средних лет с плотным усестом и с давнишними следами былой красоты. Дама курит, голос имеет зычный и умеет им пользоваться. Такова профессия — вокруг царит простота нравов — среди грузчиков, водителей и экспедиторов. Все они ждут на улице перед домиком и входят по очереди, дисциплинированно. На входе гасят окурки и вытирают ноги.

За спиной дамы висела на ржавой стене великопленная размерами и цветом фотография — "Монплеизир в Петергофе" — густая зелень деревьев ласкает стены дворца и все полно влажной питерской прохладой — видно, что весь день шел приятный питерский и потому затяжной осенний дождь, и пропиталась зем-

ля и листва, и стены, и скамьи в парке влагой, и чувствуется запах прелых листьев. Где-то там, в глубине, брошенное вполыхах на кроватку, белеет сквозь венецианские зеркальные окна вечернее платье Екатерины, бежавшей за властью и в бессмертие. Мы с дамой быстро родимся на основе этой фотографии — Питер ей родина, а мне юность. Относительно названия конторы, как возникла такая красивая и удачная мысль, выясняется, что владельцам базы эта "Чаша" представляется вариантом рога изобилия, чтобы клиент сразу мог проникнуться уверенностью, что на такой базе есть все и всегда, и так всегда будет!

(Это основа торговли. Помните незабвенного Швейка, посланного фельдкуратором Отто Кацем за осященным елеем и бесплодно обошедшего множество аптек и лакокрасочных магазинов, пока в фирме Полак на Длугой улице хозяин на просьбу Швейка не сказал приказчику: "Пан Таухен, налейте ему сто граммов конопляного масла номер три", — и Швейк ушел довольный?)

О, великие тени рыцарей, неужели вы незримо присутствуете здесь, собранные этим магическим именем "Чаши"?.. О, Ланселот и неистовый Роланд, как мне различить ваши тени среди разбитых унитазов и проволоочных гор! И ты, старый рыцарь печального образа — неужто где-то здесь стоит, прислоненный к проволоочным бухтам (индекс ДК-СС-735-94Б), твой надежный боевой щит?

Нам надо было перевезти металл, 200 килограмм железного листа, на недалеку расположенный производственный участок. Машины здесь ходят большегрузные, и поймать свободную машину невозможно. Мы долго пытались остановить и договориться. Отчаявшись и глядя на проходящую мимо собаку будку с длинной плоской клеткой вместо кузо-

ва, я пожаловался в раздражении своему технику Михаилу — хоть на крыше этой клетки перевози! И ушел горевать в контору. К Монплеизу и Прекрасной даме увядших лет.

А через несколько минут что-то во дворе металлобазы случилось. Взметнулись к небу и переплелись звуки собачьей и человеческой речи... И наступила мертвая небывала здесь тишина — на глазах потрясенных грузчиков, на глазах чашеграальских псов, утративших сначала голос, но затем, обретя его, отгавкавших на несколько лет вперед... въехала собачья будка в ворота и на территорию металлобазы "Чаша Грааля". Вначале псы даже не онемели, они не верили своим глазам... я видел, как один старый заслуженный хрипун, сев на хвост, выбросил к небесам передние лапы, как бы к ним взывая, как бы пытаясь закрыть глаза и уши, чтобы не быть причастным к такому позору... В этой позе, в ее правдивости и экспрессии, он напоминал одного из малых пророков Библии, мечущего громы на головы непокорных колен Израйля. (У колен этих были так устроены и форму имели такую голову, что горохом отскакивали от них укоризны как больших, так и малых пророков.)

"Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! ...Тиру и Сидону отраднее будет в день Суда, нежели вам".

* Святой Грааль это чаша, служившая во время Тайной Вечери, куда Иосиф Аримафейский собрал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Иисуса, нанесенной копьем центуриона Лонгина. По легенде, эта чаша попала впоследствии в Британию, и так установилась связь между кельтской традицией и христианством. "Круглый Стол", сооруженный королем Артуром по замыслу Мерлина, предназначался именно для Грааля.

Алла ГОЛОВАНОВА ЖИЛА-БЫЛА ЭВА

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Жила-была Эва. Ее все так любили, что буквально рвали на части, мечтая заполучить в личное пользование. Чтобы сохранить хотя бы видимую целостность, ей пришлось составить опись и присвоить каждому фрагменту себя инвентарный номер.

БИОГРАФИИ

Однажды Эва сидела на кухне с ангиной и подсчитывала от скуки свои необыкновенные жизни. Досчитав до ста, она остановилась, написала очередную автобиографию и отправилась лечить горло водкой из холодильника.

УДАЧА

"Представляешь, в этот раз Он не принес мне на День рождения ни одного цветка. А его бывшая жена подарила мне роскошный букет!" — недоумевала Эва. "Редкая удача, — глубокомысленно заметила подруга, — живые цветы, и даже не на твою могилу".

КРОВАВАЯ ДРАМА

Однажды Рыцарь выпил у Эвы всю кровь. И покраснел от стыда. Эва кровно обиделась.

ЖИЛА-БЫЛА ВИВАКА

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Однажды Виваке стало плохо на научной конференции. До оказания скорой помощи ей удалось пояснить на скрюченных пальцах почтенному академику свою концепцию, показать заплетающийся язык оппонентам и вскарабкаться на носилки.

ИНФЕКЦИЯ

Однажды Вивака попала в инфекционную больницу. Врач долго не мог поставить ей диагноз и невзначай спросил о профессии. "Филолог", — вздохнула Вивака. "Ученье — вот чума, ученость — вот причина..." — авторитетно заключил врач, гордо удаляясь в ординаторскую.

ЭТИМОЛОГИЯ

Получив от своего научного оппонента очередную порцию замечаний и рекомендаций, Вивака в тонкостях разъяснила близким значение глагола "кобениться".

ЖИЛИ-БЫЛИ ОДЕССИТЫ

ПРОИСХОДЯЩЕЕ

Почувствовав угрозу своей независимости, одесситы попробовали обернуть все "происходящее" в шутку. Обертки хватило только на "исход".

КОНЕЦ СВЕТА

Однажды одесситы подумали, что наступает конец света. "Концы в воду", — быстро сообразили они, переименовали День независимости в Праздник Нептуна и основательно залили свои тревоги шампанским.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Одесситы ожидали второго Пришествия, коротая ожидание составлением плана эвакуации и игрой в скрейбл.

ЖИЛА-БЫЛА ЛЮША

ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Однажды Люше показалось, что она сочинила большое драматическое произведение. Но на следующее утро прочла написанное, отсмеялась и сократила до размера афоризма.

ЗУБЫ

"Да, мне теперь палец в рот не клади!" — с удовлетворением заметила Люша, выходя от стоматолога.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ПРОМАШКА

Звуку «Р» посвящается

Мой отец слегка картавил. Эта особенность его речи досталась из трех дочерей младшей, то есть мне. Говорили же обо мне в детстве: "Вылитый Степан Никитич!" — возможно, имея в виду не только внешнее сходство, но и особенность моей дикции, более утрированной, чем у папы. Мама и сестры пытались научить меня правильному произношению злосчастного "р", но все их старания были напрасны.

В детстве я от этого страдала. Меня передразнивали, я произносила свою фамилию "Королёва", а меня переспрашивали: "Как, Ковалёва?!" Я очень любила читать стихи вслух, но когда в школе на уроке литературы я читала монолог Годунова "Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы — они ж меня, беснуясь, проклинали!", пытаюсь передать царственное звучание речи Бориса, нажимала на "р", класс хохотал. Что уж говорить о Маяковском в моем исполнении: "В терновом венце революций грядет шестнадцатый год!". Класс просто стонал!

Потом я сменила фамилию Королева на Голубовскую — с таким успокаивающим и легким для меня "л" в середине.

Затем я много лет преподавала и тщательно выписывала на доске все многочисленные имена и термины из истории искусства, истории кос-

тюма и материальной культуры, особенно с буквой "р"...

Словом, эта буква "р" меня преследовала всю жизнь!

Стихи я любила по-прежнему, хоть все реже читала их вслух.

Однажды, перечитывая стихи Юрия Михайлика и задержавшись на строчках "Тут и жили мы в четвертом поколении на краю своей родной Гипербореи", я подумала: "Нужно кому-нибудь подарить идею", и вскоре, разговаривая с Валерием Исааковичем Хаитом, сказала ему, что мне кажется — строчка про Гиперборею могла бы стать названием книги об Одессе. Дарю идею!

Прошло еще несколько лет, может, было дерзостью с моей стороны начать писать свои тексты, но так уж случилось, а потом родилась идея собрать их под одной обложкой. В поисках названия я опять вспомнила стихи Михайлика, оглянувшись окрест, увидела, что никто моей идеей не воспользовался, и, испросив разрешения и получив его от Юрия Николаевича, назвала свою книжечку "На краю родной Гипербореи".

Через несколько дней после выхода книжки муж утром мне говорит: "Знаешь, мне ночью приснился такой веселый сон, что я хотел тебя разбудить, но пожалел (Огромное за это спасибо!). Мне приснилось, что мы приезжаем к Ксаночке, дарим ей твою книжку. Ксаночка читает: "На краю родной Гипербореи", а потом то, что ты написала о ней, и начина-

ет до слез смеяться!". Как заразительно смеялась Ксаночка Добролюбская, забыть невозможно! Но в этот момент у меня самой начался нервный смех: "Боже, что же я наделала! Как же мне вслух произносить название моей книжки, эту строчку Михайлика, объединившую мои тексты?! Как мне передать этот рокот моря в четырех "р" одной строки?!".

Но тут же я успокоилась — мне ведь не грозят публичные выступления. И главное — я вспомнила не только Ксаночку и "времена, когда она, грассируя, кричит тебе: привет — распахивая дверь...", но и легко, воздушно грассирующую Эддочку Циклис...

Мы в прежние времена умели не только смеяться над другими, но и с иронией относиться к самим себе. На именинах, на других дружеских пирушках мы становились втроем — Эддочка, Ксаночка и я — и, потешаясь сами над собой, к удовольствию и под смех друзей, хором читали "Почтальон принес письмо, ой, какая радость..." и, конечно же, про забывших Карла и Клару!

Я представила себе фантастическую, невероятную картину — мы опять все вместе, мы втроем читаем вслух эту строчку "На краю родной Гипербореи", старательно, каждая по-своему, выговаривая четыре "р", и даже такой малости нам достаточно — и нашему дурацкому счастью смеху нет конца!..

ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО...

На учебно-тренировочной базе альпинистского клуба "Одесса" открылся большой (как утверждают специалисты — самый большой в СНГ) скалолазный стенд.

Его высота — 15 метров, а так называемая "рабочая" площадь, на которой спортсмены могут отрабатывать подъемы любой категории сложности, — более 600 квадратных метров.

Проект скалодрома, созданный Александром Прямыковым, по предложению ведущих тренеров и скалолазов клуба был значительно усложнен. На стенд добавили нависающие карнизы разной конфигурации. Это позволит отрабатывать восхождение под так называемым "отрицательным" углом.

Проектировщики воплотили эти идеи в рабочие чертежи, по которым построена металлическая конструкция скалодрома. Каркас был обшит специальной фанерой, особо прочной и влагостойкой (ее предоставил кандидат в мастера спорта по альпинизму Владимир Марунчик, возглавляющий фирму в Николаеве). И уже на фанере были закреплены "зацепы", имитирующие естественные скальные трещины и выступы, по которым осуществляются подъем и спуск в горах.

По словам специалистов, новый скалодром соответствует самым высоким требованиям, предъявляемым к подобного рода сооружениям. Уже весной нынешнего года на сооружении планируется провести чемпионат Украины по скалолазанию, а в дальнейшем — и международные соревнования самого высокого уровня.

На торжественном открытии скалолазного стенда выступил мастер спорта, заслуженный тренер Украины, президент Федерации альпинизма и скалолазания страны, глава альпклуба "Одесса" Валентин Симоненко. Он, подводя итоги года, отметил несомненный успех главной альпинистской сборной команды клуба (в составе Владимира Могила, Александра Лавриненко, Виорела Чебана и Вадима Николаева). Наши спортсмены совершили первовосхождение высшей категории трудности на севе-

ро-западную стену вершины Асан на Памире и тем самым принесли городу две золотые медали, став чемпионами Украины и СНГ в техническом классе.

Весьма успешно выступила в 2004 году молодежь. Скалолаз Павел Фойгель стал абсолютным чемпионом страны. На первенстве Украины призовые места заняли Александра Буд-Гусаим (первое место), Петр Щербина, Анастасия Миролюбова, Рэм Розенберг, Анастасия Сависько, Андрей Китайко и Валерия Потапенко.

Блеснули мастерством и скалолазы старшего поколения. Ольга Шалагина победила на чемпионате Украины и завоевала "серебро" на Кубке мира. Призерами первенства Украины стали также Александр Лахин, Дмитрий Коновалов и Евгений Кривошейцев.

Мастер спорта международного класса Е. Кривошейцев в очередной раз подтвердил свой высочайший класс, став также серебряным призером чемпионата мира по ледолазанию.

К сожалению, прошлый год не обошелся без потерь. Альпклуб

"Одесса" не проводил гималайской экспедиции, поэтому заслуженный мастер спорта Владислав Терзыул решил в составе казахстанской группы совершить восхождение на "восьмитысячник" Макалу. Эта была последняя из 14 высочайших вершин (более 8 тысяч метров), которую еще не покорил наш земляк... 17 мая Владислав Терзыул вззошел и на нее, став единственным в СНГ альпинистом, который без применения кислорода покорил все 14 высочайших вершин мира. На пути с Макалу Владислав Терзыул погиб.

Федерация альпинизма и скалолазания Украины приняла решение увековечить память выдающегося спортсмена проведением конкурса его имени на лучшее восхождение года, совершенное украинскими альпинистами на вершины выше 4 тысяч метров. А весной 2005 года по решению совета альпклуба "Одесса" на учебно-тренировочной базе "Скалодром" должно начаться строительство мемориала, посвященного памяти погибших альпинистов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.
Фото автора.



Валентин Симоненко на открытии тренировочного скалодрома

Илья РУДЯК СТАЛИН НА ПАРАДЕ

Когда мне было 10 лет, я написал стихотворение к семидесятилетию товарища Сталина — "отцу всех детей", начинающееся:

21 декабря
День рождения вождя...
и отослал его в газету "Правда".
Ответа не получил до сих пор.
Правда, вскоре умер Сталин, газета "Правда" тоже приказала долго жить, а я подготовил книгу иронических рассказов "Сталин в Жмеринке".

СТАЛИН В ЖМЕРИНКЕ

Рассказы и фотографии
из семейных альбомов

На октябрьских и первомайских демонстрациях портрет Сталина перед колонной нашей артели всегда носил Жора Синаткин — верзила и алкоголик.

Выпускали мы зеркала: от маленьких, для пудрениц, до больших, для стальных шкафов. Но гордостью, шедевром артельной продукции было зеркало размером с калитку с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина в форме Генералиссимуса. Если в праздничные дни светило солнце, то лучи от кителя стреляли, как прожектора. А весу зеркало в раме имело — с пуд. На вытянутых руках, кроме Жоры, никто его носить не мог. Директор наш, Давид Ильич, после парада самолично вручал Жоре поллитровку за самоотверженный труд. Тот выливал ее до последней капли в горло и под аплодисменты закусывал припасенным кислым огурцом. На этот раз в семь утра Жора не появился. В восемь его тоже не было.

Давид Ильич и секретарь парторганизации заволновались. Послали за ним на Пересыпь нарочного. Он примчался запыхавшийся и сообщил, что Синаткина напоили еще вчера дружки, утром был крепкий опохмел, и они спят как убитые.

— Это саботаж! — закричал Давид Ильич, размахивая руками.

И тут же — секретарше:

— Сара Яковлевна, в понедельник подготовить приказ об увольнении грузчика Георгия Петровича Синаткина за срыв политически важного мероприятия с занесением строгого выговора в личное дело.

И стал зорко всматриваться в мужскую часть коллектива. Я опустил голову вниз, чувствуя, что выбор пал на меня.

— Это большая честь, Фима, и



мы знаем: как спортсмен ты не подведешь!

Я имел разряд по шахматам, большую курчавую голову и девятнадцать лет от роду — отказаться было просто неприлично.

В девять ноль-ноль наша колонна двинулась вперед, чтобы слиться с другими, а затем медленно потеч к центральной площади на Куликово поле.

Начал я бодрячком, держал портрет над головой, а чем дальше, тем ниже опускал его на грудь. Выразительные взгляды директора мало чем помогали.

Второе дыхание появилось при приближении к трибуне с областными руководителями. Когда над площадью пронесся призыв: "Слава нашим труженикам-зеркальщикам, ура-а-а!" — я поднял как мож-

но выше артельную реликвию, она залепила все ярким светом вокруг. Народ был в восторге, а я... могу теперь признаться: это стоило мне мокрых штанов.

Но на этом мое испытание не кончилось. Когда мы вернулись во двор артели, директор прилюдно пожал мне руку и вручил поллитровку. Меня обступили вокруг и начали скандировать: "Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!". У меня был разряд по шахматам, крупная голова в завитушках, я был молод, в конце концов, и было неприлично отказывать, когда все просят. Я выпил из горла пятьсот грамм водки, заел традиционным кислым огурцом и... свалился спать прямо на цветочную клумбу, до утреннего опохмела.

Вот так, благодаря Иосифу Виссарионовичу, я и научился пить.

или

**О ТОМ, КАК РЕШИТЬ
ПРОБЛЕМУ ОТОПЛЕНИЯ
БЕЗ УЧЕТА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА**

Излучаемая желтизна была настолько теплой, что казалась, осязаема холодной ладонью. Женщина приблизила лицо к цветкам хризантем — щекой почувствовала жаркую волну. Вновь поднесла застывшие ладони — эффект тот же. Разница температур была ощутима. Внутренний свет излучал тепло.

В комнате столбик термометра от удивления поднялся на два деления. Это было уже против всех элементарных и неэлементарных законов физики! Что происходит?

Восемь дней живой аккумулятор согревал и радовал. На девятый — тончайшие иголки-лепестки один за другим стали мрачнеть, постепенно увядая...

А за окном уже таял снег. Капало с крыш, опять становилось сыро.

Андрей КРАСНОЖОН Пепельница

Я, между прочим, тоже работник культуры... Я в цирке работаю. У меня там свой номер есть, можно сказать смертельный! Я на арене лампочки кушаю, стекло там всякое, лезвия, крючки рыболовные. Стекло переваривается, а все железо потом наружу выходит. Так что один и тот же крючок можно много раз использовать... Кто не верит, может принести лампочку — я ее съем. А лучше бутылку, чтоб вопросов больше не возникало... Несите! Ведь я такая: если скажу "раз", — значит, скажу и "два". Поэтому-то меня в цирк и приняли... Эх, давно это было! Месяц назад...

Как сейчас помню: сидели мы с друзьями в баре на Торговой, у Нового рынка. О способностях своих я тогда и не подозревала. Ну, короче, выпиваем, разговариваем. Четвертая бутылка пошла... Тут Витка карты достал. Стали играть на желания. В общем, мне в карты никогда не везло. "Загадывайте, — говорю, — гады, свое желание". Витка и говорит: "Жри пепельницу!". А я ему: "Ты шо, шутишь, родной?"

А он тогда как закричит на все помещение: "Не может Наташка! Облжалась!". Тут мое самолюбие и возобладаало: "Это я, — говорю, — облажалась?! Да сам ты козел! Давай сюда пепельницу!". Короче, схавала я ее. Откусила кусок, потом другой. Не единой крошки не осталось. Тут-то дружки мои мигом и протрезвели. А официант как увидел это все — сразу хай поднял: "Куда, — кричит, — инвентарь подевали? Оплачивайте немедленно стоимость, а то не выпущу!". А мы, значит, сидим. Не двигаемся.

И вдруг из-за соседнего столика дядечка поднимается, весь из себя такой приличный. Подходит к нашему сообществу и официанту не глядя сто рублей протягивает: "Я, — говорит, — возмещаю убытки". А потом ко мне обращается: "Побойтесь, — как говорится, — Бога. Не зарывайте в землю талант. Мне нужны, мол, такие дарования, как вы. Идите ко мне работать. Я, — говорит, — директор цирка". Вот так я и попала в сферу, так сказать, культуры...

Двое на песке

— Боже, в какой гадюшник превратился этот пляж! Только взгляни на эти телеса! Нет, ты только подумай. Да им по домам надо сидеть, жиры свои прятать. Фу! Хоть глаза не открывай.

— Лучше посмотри на девушку в зеленом купальнике. По-моему, очень даже мила.

— Разве что фигура. Но все, что выше шеи, даже мордой трудно называть. Для таких, как она, паранджу и придумали. А тот мужик вообще еле передвигается. Что он здесь забыл? Он же весь вспотел. Бедняга, наверное, скоро умрет от ожирения. А женщина?! Вон, на белой подстилке. Как можно себя так не уважать? Это же позор на всю Одессу!.. Развяжи, пожалуйста, лифчик, не люблю загорать с верхом... Господи! Ну что ты возишься?!

— У тебя там гордиев узел...

— Неужели это так сложно! Я сама, наверное, давно бы справилась!..

Ты меня сбил с мысли.

— Ты говорила про женщину на белой подстилке.

— Да, так ты мне скажи на милость, где ее таз, где она потеряла бюст? Как она будет детей рожать?.. Бедный ее муж... А вон та, смотри, одела бикини! С такими ягодицами надо водолазный костюм носить. Все висит, все трясется. Неужели трудно посещать спортзал? Хоть раз в неделю... Что ты уставился на мою грудь? От вы мужики! Без лифчика вообще загорать невозможно, глазами съедят...

— Не смотрел я на твою грудь.

— Рассказывай! Я видела твои глаза через очки. Ты рассматривал мою грудь!

— Не рассматривал.

— Нет, рассматривал!

— Я всего лишь наблюдал, как парень прыгает с пирса. Сальто назад. Красавец!

— Какой парень, где парень? Это же девушка...

— Спортсмен, наверное. Плечи, талия, рост, упругие ноги...

— Не смей меня! Никакой симметрии. Бицепсы маловаты. Одна нога короче другой. Талию можно было бы и сильнее подтянуть. А его плавки? Разве это плавки? Они же со штанинами. В таких плавках ходил еще мой дед на Австрийский пляж.

— Сейчас такая мода.

— Это не мода, это молодежь сошла с ума... Ладно, хватит философствовать. Лучше переверни меня на спину... Вот так. Хорошо. И песок с подстилки смети... Под лопаткой, здесь, да-да... Одень очки — солнце светит прямо в глаза... Живот, живот, щекотно!.. Муха села. Сгони... Еще почеши... Ниже... У пупка... Ой, хорошо! Ой, жизнь райская!.. А теперь сними протезы... Аи! Не так резко! Нежнее, ласковее... Молодец... Неси в воду, да не урони. И следи, чтоб не сперли вещи! Мыслитель, чтоб тебе!..

Мысли вслух

● Сумасшествие одного человека определяется уровнем благоразумия другого.

● Если не хочешь произвести на людей впечатление непостоянного человека — прекрати рассказывать о своих планах.

● Скорей развяжите мне руки — я их на себя наложу!

● Наличие стальных нервов у молодого человека, подтверждалось тяжестью, с которой он принимал решения.

● Нервы — не сталь. Они не закаляются. Они изнашиваются.

● Мучительно размышляя над основной философской проблемой, мыслитель потерял сознание. Но материя осталась при нем.

● Бог нуждается в приношениях. Без этого даже искреннее поклонение будет объявлено фальшью.

● Свобода — это отсутствие необходимости.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N... газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.